

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ГРОЗА ИЗ ПОДНЕБЕСЬЯ

ВЛАДИМИР КОЛЫЧЕВ

Окопная правда Победы

Владимир Колычев

Гроза из поднебесья

«ЭКСМО»

2005

Колычев В. Г.

Гроза из поднебесья / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2005 — (Окопная правда Победы)

ISBN 5-699-11336-3

Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц – страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина. День 22 июня 1941 года летчик-истребитель лейтенант Артем Гудимов встретил на земле. Эшелон, в котором он ехал в свою воинскую часть близ западной границы, расстреляли немецкие танки. Артему удалось выжить и добраться до ближайшего аэродрома. Там он узнал, какая страшная беда обрушилась на нашу землю. Многие летчики погибли в первые часы войны, самолеты сгорели, не успев взлететь. Лейтенант понимает, что вся надежда теперь на таких, как он, – смелых и отчаянных, прошедших суровую школу Финской войны. Он принимает командование над звеном истребителей и начинает беспощадную схватку с немецкими асами... Книга ранее издавалась под старым названием "Утомленное солнце".

ISBN 5-699-11336-3

© Колычев В. Г., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	38
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Колычев

Гроза из поднебесья

Глава первая

Июль 1939 год. Тушино.

Московская область.

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.
Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...*

Воздушный парад на Тушинском аэродроме событие всегда знаменательное. Радостное. Торжественное. Такое же ожидаемое и желанное, как ноябрьский военный парад. Но поздней осенью холодно и ветрено. А Тушинский парад проходит летом. Яркое солнце, свежий ветерок с Москвы-реки, ароматы луговых трав. И чистое небо над головой. К тому же на Красную площадь допускаются лишь избранные. А праздник авиации – зрелище для всех.

Вот только попасть в Тушино не так уж и просто. Можно по железной дороге – но поезд ходит раз в три часа. Волоколамское шоссе узкое, в колдобинах, зато с машинами порядок – значит, до Тушина можно добраться автомобильным транспортом. Грузовые машины брали с боем. Стоило водителю полуторки притормозить, как тут же кузов заполнялся незваными попутчиками – и ничем их не выгонишь. Монтировкой лучше не размахивать: жадные до зрелищ товарищи могут и бока намять. Еще до Тушина ходил трамвай. Вагоны тоже брались штурмом – люди висели на подножках, на сцепках, на «колбасе»...

Но вот, наконец, зрители добрались до места. Белые канаты делят летное поле на секторы – у каждого свой номер. Покупай билет и шагай в свой сектор. Травка мягкая, зеленая – присаживайся и жди, когда в небо поднимутся самолеты.

Но прежде самолетов должен был появиться товарищ Сталин. До белого двухэтажного здания Центрального аэроклуба далековато, но именно там должен появиться великий вождь и учитель. Все внимание зрителей приковано к трибуне по фасаду второго этажа. Вот-вот появится Сталин в окружении членов Политбюро и Правительства. Издалека разглядеть вождя почти невозможно, но люди потом будут уверять, что видели его во всей величественной красе...

Артем Гудимов пришел на аэродром, чтобы посмотреть на воздушный парад. Но и Сталина он тоже хотел увидеть. Этому человеку он обязан всем, что у него есть. Артем родился в восемнадцатом году, когда Москва была окружена врагами революции, за которую воевал его отец. Революция выстояла. Страна поднялась из руин и сейчас движется в светлое будущее семимильными шагами. Именно товарищ Сталин бросил клич: «Молодежь, в небо!», это с его легкой руки страна покрылась сетью аэроклубов, летных школ и училищ. Вместе с такими же, как сам, комсомольцами Артем строил аэродром в Тушине – на голом энтузиазме отгоражи-

вались от реки земляным валом, осушали болота, прокладывали дренажные трубы. Это было незабываемое время. Голод, холод, тяготы и лишения. Но так закалялась сталь.

Пока строился большой аэродром, тут же, в Тушине действовал маленький, принадлежавший летной школе ОСОАВИАХИМА, где Артем делал первые шаги в небо. Он с детства мечтал стать военным летчиком и, как завещал великий Ленин, учился военному делу настоящим образом – серьезно и основательно. Сначала полеты на аэропланах, позже – самолеты «У-2». Прыгал с парашютом, сдавал нормы ГТО, ГСО, ПВХО. Стал Ворошиловским стрелком. Все это было вроде бы в недалеком прошлом, но как бы в другой жизни. Сейчас Артем заканчивал Московское летное училище с трехгодичной программой подготовки. На носу выпускные экзамены, после чего по два кубаря в петлицы и назначение в боевую часть. Время нынче суровое, в воздухе пахнет войной. Небо над головой чистое, светлое, но в любое время оно может стать темным, грозovým...

Народ заколыхался. Кто-то выкрикнул, что на трибуне появился Сталин. Вроде бы в бинокль его увидели. Артем поднялся на ноги. Да и все остальные поднимаются. Все правильно, народ должен стоя приветствовать своего вождя.

Внимание людей было приковано к трибунам. На Артема же никто не смотрел. Да он и не обижался. Хотя выглядел вполне достойно. Пилотка с красной звездочкой, суконная рубашка, голубые курсантские петлицы с обозначением училища, на рукаве знак летного состава ВВС, шаровары – вся форма темно-синего цвета, ремень, начищенные до блеска сапоги. Рост – метр восемьдесят, размер пятидесятый.

В небо взмыли самолеты. Первыми появились легкие амфибии, поднявшиеся с воды Химкинского водохранилища. Теперь все внимание людей забрало небо. И Сталин тоже смотрит вверх. Наверняка ему приятно осознавать, каких успехов добилась страна в освоении воздуха.

Кто-то легонько тронул Артема за плечо.

– Товарищ военный, а вы не подскажете...

Тонкий девичий голосок. Ну, как не обернуться!

Артем посмотрел на девушку. Ничего особенного. Круглое щекастое лицо, маленькие глазки, крупные рыхлые плечи. Вниз он не смотрел, но ясно, что и там такая же полнота.

– Вы не расскажете нам, что это за самолеты? – кокетливо улыбнулась толстушка.

Рядом с ней стояла еще одна девушка. Настоящая красавица. Артем очень любил самолеты, но сейчас ему вдруг стало не до них.

– Это амфибии, ледовый разведчик «Ш-2», конструкции Шаврова... – дрогнувшим голосом сказал он.

Толстушку он уже не видел – все внимание на ее подружку. Утонченные, если не сказать аристократичные, черты лица, большие красивые глаза небесно-голубого цвета, стреловидные брови, длинные ресницы, пшеничного цвета косы. Худенькая, стройная, в модном шифоновом платье – кожаный поясок перетягивает осиную талию. Белые носочки, изящные туфли-лодочки. На вид ей лет семнадцать-восемнадцать.

Девушка смотрела на него с любопытством, на губах улыбка, в глазах лукавинка. Стеснения или робости не замечается. Чего не скажешь про Артема. Он догадывался, что выглядит как смущенный юнец. И это в его то двадцать один год.

– А зачем здесь ледовые разведчики? – спросила толстушка.

Глупый вопрос.

– Здесь, в Тушине, готовят летчиков полярной авиации...

Но тут же понял, что спорил глупость. Вдруг эта пампушка – агент вражеской разведки, а он выдал ей сведения, до некоторой степени представляющие государственную тайну.

– А вы тоже летчик?

– В общем-то, да. Заканчиваю летное училище военно-воздушных сил...

Здесь он никаких секретов не раскрывал. Его военная форма говорила сама за себя.

– Тоже летаете?

– Да. Но, как видите, в данный момент разговариваю с вами.

Артем смущенно посмотрел на красивую подружку болтливой толстушки. Она перехватила его взгляд, мило улыбнулась. Он почувствовал, как вспыхнули сначала щеки, затем лицо. И сердце в груди стучит как пламенный мотор.

– А вы расскажите нам еще что-нибудь, – не унималась пампушка.

Была б она одна, Артем уже давно бы нашел предлог, чтобы от нее отвязаться...

В небо поднялся опытный образец нового ближнего бомбардировщика «ББ-22». Артем уже видел его на первомайском параде в Москве. И кое-что слышал. Самолет нового поколения, высокая скорость, большой потолок. Но рассказывать про него ничего не стал. И без того наболтал лишнего. Затем появились старые дальние бомбардировщики «ДБ-3» в сопровождении истребителей «И-15». Машины шли тройками, выше – «чайки», ниже – бомбовозы. Красивое зрелище, грозное.

– А если завтра война, мы победим, это же правда? – как будто читая его мысли, спросила толстушка.

Она уже успела представиться. Ее звали Клара. А подругу — Владислава. Влада. Сама она не представлялась, за нее это сделала подруга.

– Обязательно победим, – кивнул Артем. – Воевать будем малой кровью и на вражеской территории.

В самом деле, Красная Армия всех сильнее. Самолеты, танки... Правда, говорят, что у фашистов отличные самолеты. В небе Испании «Мессершмиты» показали свое превосходство над советскими истребителями по ряду показателей. Хорошие скоростные и высотные тактико-технические характеристики, мощное вооружение. Но «ишаки» и «чайки» тоже многого стоят. Быстрые, юркие и очень маневренные самолеты. Артем знал это по собственному опыту. Он сам летал на этих машинах. В руках умелого пилота – это грозное оружие. А советские летчики, как известно, лучшие в мире.

Артем ничего не рассказал девушкам про немецкие самолеты. Зато сказал несколько слов про истребители, на которых его уже научили летать. Не обошел вниманием успехи советских летчиков в боях над рекой Халхин-Гол. Так, вкратце, несколько пафосных фраз...

Парад закончился. Люди стали расходиться. Сейчас снова будут брать с боем грузовики, облеплять трамваи. Артему-то хорошо. Он живет не очень далеко от Тушина, в деревне Алешкино. Увольнительная у него до двадцати одного ноль-ноль – побудет немного дома, а вечером, когда народ разъедется, спокойно отправится в училище. Только вот что-то уже не очень хочется идти домой. Влада смотрела на него с нескрываемым интересом. И Артем понимал, что не простит себе, если упустит девушку. Он обязан проводить ее домой.

– А вам далеко ехать? – спросил он.

– Нет, пешком дойти, тут рядом. Владислава в Тушине живет, у нее отец главный инженер завода, – с гордостью за свою подругу сообщила Клара.

Влада ничего не сказала. Только улыбнулась.

Еще в прошлом году Тушино был поселком. Сейчас это город, довольно крупный индустриальный центр авиационной промышленности. Самолетные парки, аэродромы, заводы – планерный, моторные, авиационные. Клара не сказала, на каком именно заводе работает отец Влады, Артем же спрашивать не стал – излишнее любопытство ни к чему. Время нынче спокойное, кругом враги.

– А я тоже из этих мест, – сообщил он.

Алешкино хоть и называется деревней, но глухоманью его уж точно не назовешь. Аэродром гражданского воздушного флота, авиационный завод. Отец у него простой рабочий – токарь на этом же заводе. И Артем гордится своим пролетарским происхождением.

– Если вы не против, я вас провожу. – Артем обращался к Кларе, но смотрел на Владу. И ей понравилось его предложение. Подтверждением тому была ее признательная улыбка.

Это до Алешкина топать и топать. А Тушино совсем рядом. По дороге Артем узнал от Клары, что она – двоюродная сестра Влады, живет в Смоленске, а в Москву приехала поступать в институт легкой промышленности. Также она намекнула, что совсем не прочь закрутить роман с московским кавалером. Она имела в виду Артема, но он сделал вид, что не понял ее намека. К тому же он как бы и не из Москвы, а на курсе у них много москвичей. И, надо сказать, среди них были почитатели пышнотелых и полногрудых девиц. Тот же Витька Шпак, он только с такими и гуляет. В принципе можно было бы сосватать ему Клару.

Влада всю дорогу молчала. Но нет-нет бросала на Артема взгляды. А когда Клара заговорила о московском кавалере, в ее глазах мелькнула насмешка. Этим она как бы говорила, что Артем не для нее, да и нравится ему другая. Кто именно – догадаться не трудно.

– Ну вот мы и пришли! – Артем даже не сразу понял, что это сказала сама Влада, а не ее сестра.

Голос у нее глубокий. Приятный, волнующий.

Она жила на окраине города в трехэтажном доме из темно-красного кирпича. Тихий уютный двор, беседка, детская площадка. Две черные «эмки» возле парадного входа. Видимо, в этом доме жило заводское начальство. Если так, то коммунальных квартир здесь нет и быть не может. Да и сами квартиры, наверное, просторные, светлые... Простые рабочие так не живут. Но Артем верил, что уже не за горами время, когда все советские люди будут жить в светлом социалистическом будущем, а там для каждого найдется отдельная квартира.

– Клара, иди домой, скажи маме, что мы уже пришли. – В голосе Влады отчетливо прозвучали властные нотки.

– А ты? – смущенно спросила толстуха.

Уходить ей не хотелось. Но Влада так посмотрела на нее, что ноги сами понесли ее к парадной.

– Надоела, – тихо, чтобы не услышала сестра, сказала она.

– А я? – сорвалось у него с языка.

– Ты? – мило улыбнулась Влада. – Ты не надоел.

В отличие от Клары она не стала обращаться с Артемом на «вы». Зато сразу дала понять, что он у нее в милости.

– Может, сходим в кино? – предложил он.

– Можно. На вечерний сеанс.

Она соглашалась. Но Артем уже воспринимал это как должное.

– На вечерний нельзя, – покачал он головой.

– Почему? – удивленно повела она бровью.

– У меня в девять вечера увольнительная заканчивается.

– А-а, понятно... А я думала другое...

– Что – другое? – не понимая поспешил посмотреть на нее Артем.

– Есть один парень, который мне проходу не дает...

Влада сказала об этом так спокойно, как будто этот парень был всего лишь мухой, от которой можно отмахнуться. Зато Артему стало слегка не по себе. Как такового соперника он не боялся. Если нужно будет дать кому-то бой – он всегда готов. Его пугало другое. Что, если Влада собирается отдать сердце тому парню, про которого говорила. Или уже отдала...

– Он тебе нравится? – Артем сглотнул слюну.

– Я бы не сказала... Мне нравятся люди в военной форме...

Насчет людей в военной форме не очень понятно. Выходит, Артем ей может нравиться только потому, что он военный. А если он вдруг станет штатским, он что, ей разонравится?..

– А тот парень... Он не военный? – Нет. И не хочет... А ты, значит, скоро офицером станешь?

– Да, через два месяца.

– А потом куда?

– Куда партия прикажет. Я в Монголию хочу.

– Там сейчас война.

– Поэтому я там и нужен... Я же военный летчик, мое дело воевать.

Влада молча смотрела на него. В глазах если не восхищение, то что-то близкое к тому.

– Мне кажется, ты многого добьешься, – улыбнулась она. – Комдивом станешь, орденов полная грудь... Или ты к этому не стремишься?

– Ну, какой же солдат не хочет быть генералом!

У Артема в роду не было профессиональных военных. Разве что отец гнил в окопах в Первую мировую, затем воевал в Гражданскую простым красноармейцем. Но в царскую армию его взяли по принуждению. После войны он демобилизовался и с радостью взялся за мирный труд. При всем при этом Артем всерьез считал себя прирожденным солдатом. Быть военным – его призвание, и он будет служить Родине верой и правдой до конца своих дней. Разумеется, он мечтал и об орденах, и о звездочках в петлицах. Ничего зазорного в этом не было.

– Генералом быть хорошо... – сказала Влада. И выразительно посмотрела на Артема. – Но ты еще не генерал... Наверное, я уже пойду, пора мне...

Он едва удержался, чтобы не схватить ее за руку. Так не хотелось, чтобы она уходила.

– А кино?

– Извини, сегодня не могу. Разве что только вечером. Но вечером ты не можешь. Такое вот несоответствие...

– Но ведь можно сходить в следующее воскресенье.

Влада кокетливо опустила глазки. Немного подумала. Сказала:

– Хорошо, в следующее воскресенье приходи. Сюда. Ровно в полдень... Ну что, я пошла? Пока!

Она повернулась к Артему спиной, сделала несколько шагов, остановилась, весело помахала ему рукой и снова направилась к своему подъезду. Он смотрел ей вслед. Какая фигурка, какая походка, какая грация в каждом движении. Теперь он точно знал, как выглядит девушка его мечты.

Артем вышел со двора. Пройти через подворотню, и он на улице. Стремительный маршбросок пешим порядком, и он дома. Перекусит, поможет матери по дому, и обратно в училище. Там он будет лезть из кожи вон, чтобы заработать право на увольнительную. В следующее воскресенье он обязательно вернется на это место, чтобы свидеться с Владой.

В тусклом свете подворотни он увидел трех парней. Стоят, курят, пристально смотрят на него. Он не сразу понял, что они ждут именно его.

Незнакомцы использовали тактику вражеских истребителей. Троица вдруг распалась, один паренек зашел Артему с хвоста, другой с правого фланга. А третий ринулся в лобовую атаку, но резко остановился в двух шагах. И его дружки тоже остановились. Но окружения не сняли.

– Красной армии привет! – презрительно скривил губы тот, который находился перед ним.

Высокий хлопец. Крепкого сложения. Крепкий лоб, мощные скулы. Хищно сощуренные глаза. Глубокий стреловидный рубец на правой щеке. Белая сатиновая рубашка с большим отворотом, темные наглаженные брюки, черные с белым лакированные штиблеты. На голове форсово сдвинутая набок клетчатая кепка. Очень подозрительный тип. Мазурик.

– Тебе чего надо? – напряженно спросил Артем.

Он уже встал на боевой взвод. Смотрел на противника по фронту, но хорошо натренированным боковым зрением видел еще и того, что по флангу. Третьего он чувствовал спиной. И при этом прекрасно понимал, что находится в крайне невыгодном для себя положении.

– Да нет, это тебе чего-то надо! – усмехнулся тип. – Владиславу кадришь, да?

– Тебе какое дело, что я делаю?

– Да есть дело... Короче, сапог, эта кадриль не про тебя, ты меня понял? Еще раз тебя здесь увижу, глаза на петлицы натяну...

– Так ты и есть тот самый приставала, который Владиславе проходу не дает, – догадался Артем.

– Это кто приставала? – хищно блеснул взглядом его соперник. – Кто кому проходу не дает?..

– Отстань, приставала!

Артем резко сдвинулся с места и шагнул вперед. Противник уловил готовность к схватке в его движениях. Посторонился.

– Учти, сапог, я тебя предупредил! – бросил он вслед уходящему курсанту.

Артем выполнил свое обещание и ровно через неделю получил увольнительную в город. В Тушино он летел как на крыльях. Ведь там его ждало свидание с Владой. А на ее почитателя уголовной наружности наплевать. Не для того Артем учился военному делу, чтобы бояться какую-то шпану...

Подворотня заветного дома была пуста. Артем спокойно прошел во двор. Он не знал, в какой квартире живет Влада. Да и не было уговора стучаться к ней в дверь. Часы показывали половину двенадцатого. Еще полчаса, и она сама появится. Должна появиться. А он подождет...

Но ждать пришлось долго. Влада появилась лишь во втором часу дня. Но ведь появилась. Красивая, нарядная. Артем подошел к ней – сияющий, торжественный, вручил ей букет цветов.

– Ух ты, пионы! – обрадовалась Влада. – Люблю пионы! Как ты угадал?

– А я догадливый.

– Да? А я знаешь, не очень... Я не думала, что ты придешь, – Она окинула его благодарным, но вместе с тем встревоженным взглядом.

– Как же не думала, если я обещал? – удивился Артем.

– Ну ты-то обещал. А Захар сказал, что ты не придешь.

– Кто такой этот Захар? – нахмурился он.

– Я тебе о нем говорила. И он, должно быть, разговаривал с тобой...

Теперь Артем понял, о ком идет речь. О том самом босяке из подворотни, который пытался заказать ему путь к Владе.

– Боялся я этого мазурика, – фыркнул он.

Влада смотрела на него долгим, изучающим взглядом. Затем сказала:

– Его все боятся.

– Я – не все! – отрезал Артем.

– Ты что, в самом деле его не боишься?

– Ты меня хочешь обидеть?

– Нет, просто... Понимаешь, он мне проходу не дает. Ни с кем дружить не позволяет...

– И к тебе пристаёт? – мрачно спросил он.

– Пытался. Но я пригрозила, что отцу пожалуюсь. А он моего отца боится. Он все-таки главный инженер оборонного завода, сам, наверное, понимаешь, что это значит...

Артем понимал. Завод режимный, бдительный контроль со стороны НКВД. А с чекистами Захар связываться боится. Видать, рыльце-то в пушку.

– Теперь можешь ему мною грозить, – великодушно разрешил он. – Я ему сам лично объясню, что тебе с ним не по пути...

– И не побоишься?

– Ну вот, снова заладила... – отмахнулся Артем. – Ты мне скажи, мы в кино идем?

– Да я не возражаю, – пожал плечами Влада. – Но а если Захар?.. Знаешь что, давай так, ты, пожалуйста, разберись с ним, а потом мы пойдем с тобой в кино, будем есть мороженое, держаться за руки, если хочешь...

«Держаться за руки...» Обещание для девушки смелое, откровенное. Но и от Артема требовалась большая смелость, чтобы выполнить ее условия. А ведь она действительно поставила перед ним условие. Как будто он рыцарь, а она его дама сердца. Почему «как будто», если так оно и есть?..

– Я хочу держать тебя за руку, – решительно сказал он. – Я хочу идти с тобой по жизни...

– Что ж, дело за тобой! – многообещающе улыбнулась она.

Умом Артем понимал, что не должен бросать вызов подозрительному Захару. Он курсант летного училища. Но прежде всего сознательный комсомолец. А тут какой-то босяк из подворотни. Да он просто не имеет права связываться с ним... Но сердцем он понимал другое. Влада расценит его сдержанность как малодушие, и тогда он ее просто-напросто потеряет.

– И как найти мне этого Захара? – спросил он.

– Я не знаю... – пожал плечами Влада. – Где-то рядом... Кажется, в соседнем дворе.

– Ладно. Ты со мной не иди. Дома меня жди!

Не прощаясь, он повернулся к ней спиной и уверенной поступью вышел со двора. В подворотне его никто не ждал. А жаль...

Соседний двор являл собой полную противоположность тому, где жила Влада. Грязный захламленный. Ребяшня гоняет колесо, прикрученное к палке, пацаны постарше гурьбой копошатся возле допотопного мотоцикла. На скамейке под лестницей три девчонки, сидят, лузгают семечки – заметили Артема, зашущукались. Смотрят на него с любопытством. Одна даже с восхищением. Симпатичная девчонка. Одни глаза чего стоят – большие, чуть ли не в пол-лица. И с поволокой. Удивительно, девчонке всего-то лет четырнадцать, не больше, а взгляд такой чувственный. Она смотрит на него, ярко улыбается. Вот перевела взгляд на подружку, что-то ей шепнула. Снова посмотрела на него, еще ярче улыбнулась. Поднялась со скамейки, на удивление взрослой походкой подошла, остановилась, манерно протянула к нему руку. Жеманным движением поднесла два сомкнутых пальца к своим губам. С театральной истомой в голосе спросила:

– Огоньку не найдется!

– Чего? – опешил Артем.

– Да шучу я! – засмеялась девчонка.

Смех звонкий, озорной. Роковая кокотка растворилась в нем без остатка. Сейчас на Артема смотрела самая обыкновенная девчонка. И когда она перестала смеяться, на щеках выступила краска. В глазах появились робость и смущение.

– А вы подумали, что я курю? – вымученно улыбнулась она. – Нет, я не курю. И никогда не курила... А вы красный командир?

– Нет, пока что курсант.

– Значит, будете командиром... А я Римма.

– Очень приятно. Артем.

– А вы кого-то ищете?

– Разве?

– Ну да, я же вижу, что вы кого-то ищете...

– Да, ищу. Мне нужен Захар...

– Захар?! – загадочно улыбнулась Римма.

– Да, Захар. Фамилии, к сожалению, не знаю. Но знаю, что у него шрам на правой щеке...

Вы знаете такого?

– Допустим. А зачем он вам?

– Поговорить надо.

– Его сейчас нет дома. Но здесь сквер неподалеку, Захар сейчас там, с друзьями... Хотите, провожу?

Артем кивнул. У него не было никакого желания общаться с Захаром в присутствии его дружка. Но и отступить он не мог. Взялся за гуж – вперед...

– Тогда подождите, я сейчас...

Римма весело улыбнулась и направилась к своим подружкам. А те смотрят на Артема во все глаза, хихикают. Это ему не нравилось, и он вышел со двора. Римму можно и на улице подождать...

Впрочем, ждать ее не пришлось: Захар появился раньше. В сопровождении двух таких же босяков на всех парусах он шел к дому Влады. Мрачный как грозовая туча. Хмурый взгляд устремлен куда-то вдаль. Пожалуй, если бы Артем не окликнул его, он бы прошел мимо.

Захар остановился, будто наткнулся на какое-то препятствие, резко развернулся к Артему.

– А-а, сапог, вот ты где? А я тебя ищу!

Видимо, кто-то сообщил ему, что Артем приходил к Владе.

– Да нет, это я тебя ищу! – жестко отрезал курсант.

– Это еще зачем?

– А чтобы ты к Владиславе на пушечный выстрел не подходил.

– А то что?

– По морде получишь, вот что!

Эти слова взбесили Захара.

– Ну ты, падла! – в ярости заорал он.

И первым бросился на Артема... В летном училище не было обязательной программы по рукопашному бою. Зато работала добровольная секция борьбы самбо. Преподаватели учили, что советский летчик непобедим и, как ни старайся враг, сбить его невозможно. Но существовало и другое мнение, носителем которого являлся майор Ковтунов. Участник Испанской войны, орденосец. На свой страх и риск он на реальных примерах рассказывал о войне в воздухе. Говорил о том, что германский фашизм – сильный враг. Оказывается, советские самолеты тоже горят. И далеко не всегда сбитый пилот парашютируется на свою территорию. А раз так, то настоящий боевой летчик должен уметь выходить к своим из вражеского тыла. Для этого он должен иметь соответствующую подготовку. Умение быстро и скрытно передвигаться, владение стрелковым и холодным оружием, рукопашный бой. В прошлом году майора Ковтунова обвинили в нагнетании панических настроений, арестовали, отправили в лагерь. Но его слова глубоко засели в сознании Артема. Советский летчик должен воевать не для того, чтобы героически умереть, а для того, чтобы бить и уничтожать врага...

Еще два года назад, движимый этим настроением, по собственной инициативе Артем записался в секцию самбо. На физическую подготовку он никогда не жаловался. Сила, выносливость. Плюс ко всему высокий боевой дух и отличная реакция. К тому же к борьбе он относился так же серьезно, как и ко всему остальному в боевой подготовке. Так что кое-каких успехов на этом поприще он добился. А сейчас у него появилась возможность закрепить свои навыки в реальном бою с реальным противником...

Захар метил рукой ему в лицо. Но кулак пронзил пустоту. Затем произошло что-то еще более непонятное. Какая-то сила оторвала его от земли и швырнула на землю головой вниз. Пока он приходил в себя, Артем захватил его дружка и швырнул его через себя. Третий сумел ударить его ногой в живот, но вот удержать эту же ногу не смог. Резкий рывок вверх, мощный удар по второй, опорной ноге, и стремительный полет кубарем вниз...

Поверженные мазурики поднимались с земли. Но на повторную атаку не хватало духу. И только Захар не образумился. В его руке вдруг появился нож. Теперь перед Артемом стоял не просто противник, а самый настоящий враг. И он уже не имел права на пощаду.

Если и существует спортивная борьба, то самбо к этой категории никак не относится. Настоящее самбо – боевая борьба. И горе тому, кто этого не понимает...

Артем просто уклонился от двух размашистых ударов. Надо было оценить тактику противника, рассчитать траекторию его движений. Захар действовал примитивно, поэтому его третий удар ничем не отличался от двух предыдущих. Артем нырнул под клинок, перехватил руку, выкрутил ее наизнанку, вырвал финку. Когда Захар упал, он кошкой прыгнул на него.

Холодным оружием Артем владел неплохо. И если бы он вовремя не включил тормоза, острое, как лезвие, жало ножа вспорол бы врагу горло. Но он все же сумел остановить себя у роковой черты, и острие финки лишь слегка царапнуло кожу на шее.

– Ну ты и псих! – поднимаясь с земли, обескураженно крикнул Захар.

В глазах страх и удивление. И полное отсутствие желания продолжать схватку.

– Пошел вон! – успокаиваясь, сквозь зубы процедил Артем. И, совсем успокоившись, добавил: – Яблочком катись, да по тарелочке!

Захар отряхнулся, смахнул рукой кровь с шеи. Что-то пробубнил себе под нос. И убрался восвояси. Видимо, отправился в свой любимый сквер.

Артем почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину. Жгучий взгляд. Он обернулся и увидел Римму. В глазах смесь недовольства и восхищения. Она смотрела на него с открытым ртом. Будто она потеряла дар речи. Но нет.

– Ой, у вас гимнастерка порвана! – пробормотала она.

Действительно, в драке пострадала его форменная рубаха. Сорван правый нагрудный карман, испачкан левый рукав.

– Это не страшно, – снисходительно улыбнулся Артем.

– Страшно, не страшно, а нужно все в порядок вернуть, – рассудила девчонка. И чуть ли не приказным тоном сказала: – Пошли ко мне домой. Я все зашью и почищу...

– Да ладно, не надо...

– А я сказала, пошли!

Она порхнула к нему, нежно взяла под руку и грубо потянула за собой. Артем понял, что сопротивление бесполезно.

Римма жила на первом этаже. Две крохотные комнатунки, зато отдельный вход с лестницы. Небольшой балкон, завешенный стираным бельем. На стенах старые, но не обшарпанные обои, мебель старая, но не рухлядь. На полах циновки, на столе свежая накрахмаленная скатерть. Чисто, уютно. И, кроме них двоих, никого. Ни матери, ни сестер-братьев. Артем пожалел, что пришел сюда. Как бы кто чего не подумал...

– Ты что, одна здесь живешь? – смущенно спросил он.

Вместо ответа она потребовала, чтобы он снял с себя гимнастерку.

– Да нет, я, наверное, пойду...

– А я сказала, снимай!

Казалось она из кожи вон лезет, чтобы показать ему, какая она хорошая хозяйка. Еще кормить вздумает... Артем уныло вздохнул. И какой черт дернул его прийти сюда?.. Он внимательно посмотрел на Римму. Нет, на черта она не похожа. Скорее, на ангела. На неоперившегося, но уже строгого ангела.

– Это долго? – невесело спросил он.

– А ты спешишь? – с какой-то непонятной ревностью во взгляде посмотрела на него Римма.

Вообще-то, он спешил. К Владе... Странное дело, он сражался за нее, а помощь ему оказывает совсем другая девчонка. Как-то даже в голове не укладывалось, что Влада могла так

просто взять его за руку, привести к себе домой, зашить и почистить порванную рубаху. Может быть, потому что для него она была королевой, а не белошвейкой...

– Меня ждут, – сказал Артем.

И, собравшись духом, стянул с себя рубаху.

Сначала Римма почистила гимнастерку. Затем вдела нитку в иголку и взялась за дело. Пальчики быстрые, сноровистые. Дело легко спорилось в ее руках. Не прошло и десяти минут, как карман прирос к своему законному месту.

– Все готово! – возвращая рубаху, с неожиданным сарказмом объявила она. – Можешь идти к своей Владиславе!

– К Владиславе?! – ошеломленно переспросил Артем. – Откуда ты знаешь, что мне к ней нужно?

– А я все про всех знаю!

– Ты что, следишь за ней?

– Больно нужно! – презрительно надула губки она. – Тоже мне, краля нашлась. Фифа надутая!.. Не знаю, что вы все в ней такого нашли?

– Кто это «вы»?

– И ты, и Захар!.. Бегаете за ней, как придурки, проходу друг другу не даете. Еще и подрались... Между прочим, Захар – мой брат! Ну, чего уставился? Да, Захар мой родной брат! И я его очень люблю!..

– Ничего не понимаю, – потрясенно мотнул головой Артем. – Ты видишь, как я... Как досталось твоему брату, и после этого тащишь меня к себе, чтобы зашить мне гимнастерку... Как это понимать?

– А ты хотел бы, чтобы я в глаза тебе вцепилась?.. И вцепилась бы! Если бы ты был просто... А ты летчик. Ну, еще не совсем, но все равно. А мне летчики всегда нравились...

Забавно, Владе нравились люди в военной форме, а этой нравятся именно летчики.

– И вообще, я ж не знала, зачем тебе нужен мой брат, а когда узнала... – Римма запнулась.

– И что, когда узнала? – потянул из нее слово Артем.

– А может быть, я не хочу, чтобы ты встречался с этой глупой Владиславой! Может быть, я хочу, чтобы ты со мной встречался!

– О-о! – больше он сказать ничего не смог.

– Может быть, я на своего брата из-за тебя наплевала! – не унималась Римма. – Ты его ножом чуть не зарезал, а я тебе рубаху зашиваю. А надо было бы сковородкой тебя по голове!

– Так давай, начинай! – засмеялся Артем.

– Ага, много чести!..

Какое-то время Римма молчала, успокаиваясь. Затем тихо спросила:

– Ты сейчас к своей Владиславе идешь?

– А если иду?

– Тогда иди, я тебя не держу!

Артем подошел к ней, бережно взял ее маленькое лицо в ладони, нежно заглянул в глаза.

– Глупенькая ты моя...

Глупый смешной ребенок. В этом возрасте девчонки легко влюбляются и так же легко разочаровываются в своих симпатиях. Да и не любовь у них, а простая наивная влюбчивость, которую им нравится раскрашивать самыми яркими романтическими красками...

– Это твоя Владислава глупая, а не я!

Римма обиженно надула щеки, отстранилась от него.

– Почему ж она глупая?

– Да потому что вертит вами, как хочет!

– И как она мной вертит, интересно знать?

– А очень просто... Ты думаешь, почему Захар всех прилипал от нее гонит? Она сама ему сказала, чтобы он этих мух от нее отгонял. А за это она ему обещала... Крепко-крепко его поцеловать, вот что!

– Это кто тебе такое сказал?

– А Захар и сказал!

– А чем твой Захар занимается?

– Чем надо, тем и занимается!

– А может, как раз наоборот, он занимается не тем, чем надо. Нож у него финский. И замашки босяцкие... И врет он все. Не могла ему Владислава такого сказать!

– А вот и могла!

– И ты такая же, как твой брат. Врушка!

– Ну знаешь, что! – полыхнула взглядом Римма.

– Не знаю ничего!.. Спасибо за рубашку!

Уже в дверях он обернулся. Девчонка жалостливо смотрела на него, по детски закусив губу. В глазах слезы. Вот-вот разрыдается... Но Артем и не думал ее жалеть. Девчонка она в общем-то неплохая, но своим враньем все испортила. Невозможно было поверить, что Владислава обещала ее брату крепкий-прекрепкий поцелуй. Она-то и ему ничего не обещала. Хотя он ей нравится, а Захар нет...

Артем вытащил из-за сапога финку. И с силой воткнул ее в дверной косяк.

– Братцу своему отдай! – небрежно бросил он уже через плечо.

Влада встретила его приветливо. Времени сходить в кино у него не оставалось. Но они просто прогулялись по городу. И на обратном пути к ее дому Артем набрался смелости взять ее за руку. И она восприняла это как должное. Ведь он выполнил свое обещание – отвадил от нее Захара...

Артем рвался в увольнение и на следующий выходной. Но, увы, не вышло. Он же не один на курсе, а процент увольняемых строго ограничен. Поэтому он встретился с Владой только через две недели.

Ей было не семнадцать и не восемнадцать лет, как думал Артем. А все девятнадцать. Она заканчивала первый курс университета. Летняя сессия – дело нелегкое. Но все же, пожалуй, можно было выкроить пару-тройку часов для того, чтобы навестить Артема в училище. Его бы выпустили на КПП, они бы смогли пообщаться пять-десять минут. Но она не приходила. А он ее и не ждал. Даже не предполагал, что она может прийти. Ведь она королева...

Наконец, они снова вместе. Артем снова в Тушине, снова во дворе ее дома. А вот и она – красивая, вся в белом, изящная, легкая, словно, воздушная. Так хочется подхватить ее на руки и нести, нести...

– Привет! – ярко улыбнулась она.

Взяла его за руку, подняла ее на уровень головы и с детским восторгом в глазах крутнулась вокруг своей оси так, что подол платья поднялся на уровень коленок.

– Как тебе мой наряд?

– Великолепно!

Нарядное кружевное платье, легкие туфельки с носочками, дорогая сумочка, тоже белого цвета. И прическа как у взрослой модницы. Но Артем не чувствовал себя болваном рядом с ней. Он – курсант выпускного курса, форма чистая, отутюженная, сапоги блестят. Быть военным – это почетно.

– А я тебя ждала! – весело улыбнулась она. – Даже вот о билетах в кино позаботилась.

Она вытащила из сумочки две голубенькие бумажки.

– Сегодня «Александра Невского» показывают. Первое звуковое кино, чтоб ты знал!

Настроение у нее было яркое, солнечное. Про Артема и говорить нечего. Окрыленное состояние. Душа пела от счастья.

- Это мое последнее увольнение, – по пути в кинотеатр сказал он.
- Почему? – удивленно повела бровью Влада.
- У нас госэкзамены начинаются, на увольнениях ставят крест.
- А после госэкзаменов?
- После – выпуск. Звание «лейтенант» и предписание к новому месту службы...
- И все? Ты уже не курсант, ты уже офицер? Как здорово!..
- Что тут такого? Я уже шесть лет летаю. А все еще курсант...

В последнее время многие летные школы и училища переводились на годичный курс обучения. Все просто, отучился год, получил кубарь в петлицу – и младшим лейтенантом отправляйся в войска. Страна нуждалась в летчиках, это понятно. Но кого можно выучить за это время? Разве что только самоубийцу... Впрочем, ни к чему решать, что да как. Сталин все видит, все знает. Как он сказал, так и должно быть...

- А разве в училище шесть лет учатся? – наивно спросила Влада.
- Нет, я же в аэроклубе Косарева начинал. На планерах, на бипланах...
- Аэроклуб Косарева? Не слышала о таком!
- Ну как же! – удивился Артем. И тут же спохватился: – Сейчас это аэроклуб имени

Чкалова. Наш, Тушинский, Центральный аэроклуб...

Александр Косарев был секретарем ЦК ВЛКСМ. А именно комсомол держал шефство над авиацией, поэтому в честь него и был назван аэроклуб. Но в тридцать восьмом году выяснилось, что Косарев – враг народа. Поэтому Центральному аэроклубу присвоили имя легендарного летчика Чкалова. Но Артем в это время уже учился в летном училище.

- Жаль Чкалова, хороший был летчик, – вздохнула Влада.

Но веселый блеск в глазах остался.

– Не то слово! – Артем сел на своего излюбленного конька. Об авиации он мог говорить часами. – Чкалов сломал все стереотипы старой авиации. Мы изучаем его тактику ведения войны с вражескими истребителями... А как он под Троицким мостом в Ленинграде пролетел?

- Как?

– Ну как, на самолете, под мостом. Правда, он крыло повредил, за провода задел. За это его арестовали... Но ведь он смог пролететь. Смог!

- Интересно, какой женщине он этот полет посвятил? – мечтательно протянула Влада.

- С чего ты взяла, что он этот полет женщине посвятил? – слегка опешил Артем.

- Ну как же! Благородные мужчины совершают подвиги во имя своих женщин!

В высшей степени наивное утверждение. Подвиги совершаются во имя Родины. Но разубеждать Владу Артем не стал.

- А ты мог бы пролететь под мостом? – неожиданно спросила она.

- Под мостом?! Я?! Не знаю...

Если честно, Артем примерял на себя эту залихватскую выходку Чкалова. И считал, что ему по плечу такой полет. Техниккой пилотирования он владел отлично, преподаватели выделяли его среди других курсантов. – Может быть, и смог бы... – выдавил он. – А зачем ты спрашиваешь?

- Ну, просто подумала...

- О чем?

- Да так, ни о чем... Забудь.

В кинотеатре они сели на последний ряд. Артем с воодушевлением смотрел, как Александр Невский призывает новгородцев на смертный бой, как выводит свое войско на битву с тевтонскими рыцарями. И все время держал Владу за руку. Но большего себе ничего не позволял.

– Я думала, ты меня поцелуешь, – уже когда они возвращались, сказала она. И обиженно надула щеки.

Трудно было понять, шутит она или этот упрек всерьез.

Артем не растерялся. Остановился, развернул ее к себе. Он был влюблен в эту девушку. И был бы счастлив поцеловать ее в губы. И кажется, она разрешает!

Место было безлюдное. Чувства переполняли его. Трудно было держать их в узде. Он нежно взял ее за плечи, привлек к себе, потянулся к ней губами. Взгляд ее затуманился, щеки порозовели. И она тоже потянулась к нему. Но в самый последний момент отвернула лицо, и он смог поцеловать ее в щеку.

– С тебя хватит! – засмеялась она.

– А если не хватит? – волнуясь, спросил он.

– Тогда... – с лукавинкой во взгляде задумалась она. – Тогда ты должен пролететь под мостом, как это сделал героический Чкалов... Тогда ты будешь моим героем! Тогда я сама поцелую тебя!

– Ты серьезно? – ошеломленно смотрел на нее Артем.

– Так уж вышло, что да, серьезно...

Ему показалось, что он явственно слышит голос Риммы: «...Вертит вами, как хочет!», «А за это она обещала ему крепко-крепко его поцеловать...». Это она говорила про Владу. Она обещала поцеловать Захара. Теперь вот это право должен заслужить Артем...

К выпускным экзаменам Артем готовился с самого того момента, как поступил в училище. И отпущенное для подготовки время он использовал с максимальным коэффициентом полезного действия. Поэтому по всем дисциплинам получил твердое «отлично».

Оставался последний экзамен. По летному мастерству. Артема радовало, что сдавать его придется на настоящем боевом истребителе «И-15», на котором ему придется летать уже в войсках. Удручало только то, что на полеты было введено ограничение. Лететь можно было при условии, что крен не превышает сорока пяти градусов, а угол пикирования – тридцати пяти. Фигуры высшего пилотажа исключались начисто...

Артем забрался в кабину. Поставил ноги на педали под ремни, подогнал сиденье по высоте, пристегнулся к нему ремнями. Проверил легкость хода педалей и правильность отклонения рулей. Все в порядке. Теперь можно запускать мотор... Шум двигателя, мелкая вибрация. Артем чувствовал, как сам заряжается боевой энергией самолета, сливается с ним в единое целое. Душа рвется в небо.

Артем выбросил руки в стороны. Это сигнал – «Убрать колодки!». Команда выполнена – колеса свободны. Заслонки радиаторов открыты еще до того. Все, можно рулить. Расстопорить хвостовое колесо, проверить действие тормозов... Самолет вырулил на взлетную полосу. Вперед! Биплан стремится развернуться вправо, но Артем успокаивает его небольшим движением левой ноги. Машина несется все быстрее и быстрее, вот уже поднимается хвост и опускается нос... Пора! Артем берет ручку на себя, и самолет плавно отрывается от земли. Шасси остаются на месте – на этом типе машины они не убираются. Зато крылья вырастают у Артема за спиной. Пьянящее чувство полета...

Артем набрал требуемую высоту. Глянул вниз. Леса, желтые и зеленые квадраты полей, Москва-река. И железнодорожный мост... На какой-то миг перед глазами всплыло прекрасное лицо Влады. Ее лукавая улыбка. И ее слова: «Ты будешь моим героем...»

Он отлично летал, умел выполнять основные фигуры высшего пилотажа. Можно было показать класс. А тут ограничения. Никаких иммельманов, ранверсманов, бочек, петель, скольжений, штопоров... Обидно.

Советского легчика отличает высокая дисциплина, говорил начальник курса. Благородные мужчины совершают подвиги во имя своих женщин – так говорила Влада. Но ведь Артем учился летать для того, чтобы участвовать в настоящих боях. А ту летишь в режиме барана с крыльями. Ничего героического...

Артем и сам не понял, как направил биплан к мосту. «И-15» характеризовался как самолет, устойчивый в любой полетной конфигурации. В бою легко прицеливаться и вести огонь. А в показательном вылете не так уж сложно навести машину на мост. К тому же мост, который Артем брал на прицел, был достаточно высоким, с широким центральным пролетом. А пролет потому так и называется, что под ним можно пролететь...

Артем чувствовал, что в голове все перемешалось. Азарт будоражил кровь. Но все это не мешало ему уверенно подвести машину к цели, выйти на минимальную высоту, выровняться по центру пролета...

Ширина пролета была больше размаха верхнего крыла. И по высоте самолет должен был пройти. Главное, не сесть на воду. И колесами за нее не зацепиться: может повести. Минимальную высоту Артем определял по нижнему срезу моста, потому что по прибору сделать это невозможно: не хватает точности показаний. Да и не было времени смотреть на стрелки. Мост стремительно приближался. Руки крепко держали штурвал. Малейшее неточное движение ручки, и самолет разобьется вдребезги. Но Артем сумел удержать машину под контролем. И вот он, решающий момент. Машина ныряет под мост, железные конструкции проносятся в каком-то метра от верхнего среза козырька открытого фонаря кабины. Еще чуть-чуть, и биплан стремительно возносится в высоту.

Артем прекрасно понимал, что нарушил все мыслимые и немыслимые инструкции. Но ведь он смог пройти под мостом. Он снова взмыл высоко в небо. А победителей, как известно, не судят. А женщины их еще и любят...

Глава вторая

Декабрь 1939 год.

Ленинградский военный округ. Карельский перешеек.

В ночь на 30 ноября 1939 года советские войска в нескольких местах пересекли границу с Финляндией. Утром первого декабря над Хельсинки появились три бомбардировщика «СБ» – сбросили бомбы на аэродром Малми и пригород Тикурила. Утром того же дня после тридцатиминутной артиллерийской подготовки войска 7-й армии перешли в наступление на Карельском перешейке. Необходимо было в самое короткое время преодолеть оперативную зону заграждений, оборудованную перед линией Маннергейма.

Время для начала кампании было выбрано удачно. В начале зимы болотистая почва схвачена морозами, многочисленные финские озера и реки покрываются льдом. Согласно статистике, в самом холодном месяце, феврале, температура на Карельском перешейке не опускается ниже пяти градусов. Но до февраля воевать никто не собирался. Финляндию предполагалось захватить всего за две недели.

Но уже в самом начале кампании Красная армия столкнулась с первыми трудностями. Вместо предполагавшихся легких морозцев в начале декабря температура на Карельском перешейке была плюсовой – около нуля. Шли сильные снегопады, чередовавшиеся с туманами. Артиллерия застревала в грязи, танки вязли в болотах, авиация не могла прицельно бомбить позиции финских сил прикрытия.

Морозы были в направлении удара со стороны Мурманска. Лютые морозы и глубокий снег. Пулеметный и снайперский огонь. Все это затрудняло продвижение войск 14-й армии комдива Фролова. Но в этом направлении перед нашими войсками не стоял мощный укрепленный район вроде линии Маннергейма, поэтому, хоть и с трудом, армия продвигалась вперед...

Истребительная авиация в этой войне применялась для нанесения ударов на поле боя и в оперативной глубине обороны противника. Артем Гудимов готовился стать летчиком-истребителем, поэтому он попал в истребительно-авиационную бригаду, действовавшую на Карельском перешейке. Командир эскадрильи, в которой он служил, отвечал за точное и неукоснительное выполнение поставленных боевых задач, за подготовку пилотов и самолетов к вылетам на задания, за работу с личным составом. От Артема тоже многое зависело. Должность у него очень ответственная. Не зря же он целых шесть долгих лет осваивал технику пилотирования. Не зря же он три года учился в военном училище. И здесь, на аэродроме Ленинградского военного округа, ему доверили важнейшую работу. Он командовал... Командовал звеном... Даже не звеном, нет, а целым взводом... Об этом можно сказать с гордостью, он – заместитель командира... взвода ГСМ. Но сам он думает об этом с нескрываемой горечью...

Ему сильно повезло. После того хулиганского пролета под мостом его собирались отдать под трибунал. Никто не признал его героем. Никто не дул в фанфары. За нарушение воинской дисциплины ему грозил самый настоящий лагерный срок. Но, к счастью, дело до военного суда не дошло. Его попросту отчислили из училища, дали одни сутки на сборы и отправили служить в войска простым красноармейцем. А ведь до выпускного дня оставались считанные дни...

Влада желала видеть его в командирской форме, с двумя кубарями в голубых петлицах. А он... Артем считал себя опозоренным. И не смел показаться Владе на глаза.

Уже осенью он написал Владе письмо, наврал ей, что сразу после выпуска их курс загрузили в эшелон и отправили в Ленинградский военный округ. Мол, обстановка в мире очень сложная. Она, конечно же, знала, что первого сентября Гитлер вторгся в Польшу. Но не знала, что истребительная бригада, куда попал служить Артем, в сентябре и октябре месяце выполняли боевые задачи партии и правительства по оказанию братской помощи народам Западной

Украины и Белоруссии. Сам Артем в этом не участвовал. В это время он нес службу на аэродроме под Ленинградом, куда самолеты полка вернулись лишь в конце октября.

А в ноябре снова запахло войной. Говорят, белофинны первыми напали на Советский Союз. Но если честно, Артем в этом сомневался. Куда уж финнам с их слабой армией против могучей РККА. Обороняться они, может, еще и могут, но нападать – нет. Ведь это же факт, что положение дел с авиацией у финнов катастрофическое, соотношение сил в воздухе – пять к одному в пользу советских ВВС.

В первые дни войны истребители с красными звездами на крыльях осуществляли прикрытие войск от налетов вражеской авиации. И в подавляющем своем большинстве боевые вылеты были холостыми, потому что финская авиация никакой активности не проявляла. Сейчас летчики эскадрильи, которую обслуживал Артем, летали бомбить боевые порядки неприятеля. Как бы он хотел быть в их числе, но, увы... И зачем он только решился на тот дурацко-геройский поступок...

Артему очень не хотелось встречаться со своими бывшими однокурсниками. Как-никак он был самым лучшим пилотом на курсе, ему прочили большое будущее. И вот на тебе, даже самые худшие из выпускников стали офицерами, летают на боевых самолетах. А он какой-то отделенный командир из аэродромной obsługi. Раньше его ставили в пример, сейчас так же легко могли поднять на смех. Но пока что в его эскадрилье не было выпускников его курса, некому было над ним смеяться. Но всему хорошему, или относительно хорошему, когда-нибудь приходит конец.

Сухопутные войска все глубже вязли в изматывающих наступательно-оборонительных боях. Уже стало ясно, что в установленные сроки захвата Финляндии армия не уложится. Война принимала затяжной характер. Видимо, поэтому эскадрилью усилили двумя дополнительными отрядами. Из глубины Союза на аэродром гнали технику и новых летчиков. И вот в один прекрасный момент на аэродром своим ходом откуда-то из-под Пскова пришло целое звено «чаек» «И-153». В одном самолете прилетел лейтенант Зверев, или просто Вася Зверь. В другом – лейтенант Хоботов. Но если Зверев искренне обрадовался Артему, то этот даже руки ему не подал.

– Что за фамильярность, товарищ отделенный командир? – строго отчитал он Артема. – Впредь требую обращаться строго по уставу!

Даже Зверев открыл рот от удивления.

– Как скажете, товарищ лейтенант, – обескураженно протянул Артем.

– Вот так-то лучше! – надменно усмехнулся Хоботов.

Генка Хоботов всегда был посредственным курсантом. Учился, мягко говоря, не важно. Зато в плане партийной сознательности и воинской дисциплины у него всегда было все в порядке. Может быть, потому и дотянул до выпускного экзамена и получил два заветных кубика в петлицу. Он всегда недолюбливал Артема. И сейчас не скрывал своего злорадства по поводу их служебного неравенства. Как же, он на белом коне, в то время как Артему позволяется лишь чистить хвост этому коню...

Хоботов смерил его презрительным взглядом и с важным видом повернулся спиной. И правильно. У Артема уже не было сил смотреть на его, как у крысы, вытянутую вперед и зауженную физиономию.

Зато Вася Зверев остался рядом с ним.

– Да не обращай ты внимания на этого кретина... – невесело сказал он. – Это он от зависти.

– А чему завидовать? – горько усмехнулся Артем.

– Да он тебе всегда завидовал... Ты когда под мостом прошел, он чуть губу себе до крови не прокусил. Думал, что тебя снова хвалить станут. А твои успехи для него как серпом по яйцам...

– Зато неудачи как бальзам на душу.

– А ты крепись, брат. То, что тебе выпало, это всего лишь неудача, а не катастрофа. Вот тебя сюда рядовым отправили, а сейчас ты уже отделенный командир, треугольники не кубари, но все же... А Хобот... Знаешь, я сам удивляюсь, как он до вас долетел. Целых четыре пересадки, а он ни разу не напортачил. И взлет нормально, и посадка. Притом что машина новая. Он и сам удивлен. Поэтому и нос задирает...

– Потому и задирает, что летать может. А я тоже летать хочу, но приходится ползать. Жаль, что меня в бомбардировочный полк не определили. Там бы хоть стрелком летать назначили...

– Да не кисни ты, Артем. Помяни мое слово, твой час еще пробьет... Кстати, как тут насчет женщин, а?

До третьего курса Вася Зверев был тихоней и скромником. А потом как прорвало. В небе летал он не плохо, но куда лучше справлялся с перехватами на земных высотах. Девчонок менял как перчатки. Видимо, после выпуска пристрастия его не изменились. Война войной, а бабы по распорядку...

– Туго с женщинами, – пожал плечами Артем. – В санчасти есть, во взводе связи. Не много, но есть. Только у нас тут и своих орлов хватает...

– Э-э не, брат, – улыбнулся Вася. – Теперь я тоже ваш орел...

– Извини, я не из этого полка...

Вася мог считать себя орлом в двух значениях этого слова. Орел по бабам. И орел в небе. Артем же не подходил ни под одну из этих категорий. Женщинами он не интересовался. Во-первых, у него есть Влада, а во-вторых, ему сейчас не до них. И в небо ему не подняться...

Части Красной армии штурмовали казавшуюся неприступной линию Маннергейма. По слухам, потери были огромными. Севернее Ладоги финны перешли в наступление, в окружение попали несколько советских дивизий. Активизировалась вражеская авиация. Артем же провожал самолеты, вылетающие на выполнение боевых заданий, встречал их.

Было обидно. Его дело заправлять истребители, менять масло в авиадвигателях. А тот же Хобот должен был летать и бить врага.

Но так получилось, что Хобот так и не смог подняться в небо. В составе отряда он должен был отправиться в свой первый боевой вылет, но на взлете неправильно рассчитал направление бокового ветра. Стараясь удержать направление взлета, он так сильно нажал ногой на правую педаль, что его «И-153» стал резко разворачиваться. Хоботов растерялся и с силой нажал на другую педаль. Машина завертелась. Гена быстро убрал газ, но стойка шасси не выдержала чрезмерной нагрузки и подломилась. Цепляя крылом и винтом грунт, самолет поднял столб земли и снега. Лопастей винта были согнуты в бараний рог.

Но эта была не единственная потеря на тот день. После боевого вылета группа не досчитались двух самолетов. Вася Зверев был злой как черт.

– На Сумму летали, – при встрече сказал он Артему. – А там зенитки, много зениток. У меня дырка в крыле...

Злился он как-то ненатурально. Больше гордости за себя, чем злости на финнов. Артем его понимал. Это был его первый боевой вылет. Он удачно отбомбился, но попал под зенитный огонь. Настоящий боевой летчик. Артем же так себе, обслуга...

Самолет Хобота ремонтировали четыре дня. Под самый занавес работ к процессу подключился и Артем. Он сам лично подъехал к истребителю на заправочной машине, чтобы заполнить баки. Мороз десять градусов. Но ему не холодно. Теплая куртка, зимний шлем с опускающимися ушами. К тому же всегда можно обогреться в теплой кабине заправщика. Только этому теплу он бы предпочел лютый холод в открытой кабине истребителя.

Самолет заправили. Техники запустили мотор. Артем заворуженно смотрел, как в бешеной карусели крутится подъемный винт. Это заметил один из техников.

- Что, нравится? – подходя к Артему, спросил он.
- Да. Сейчас бы за штурвал и в небо.
- Говорят, тебя из летного отчислили. За что?
- За художественную самодеятельность. Под мостом, как Чкалов, пролетел...
- Да слышал я, – нахмурился техник. – Только что-то верится с трудом.
- Не веришь, твое дело...

Самолет «И-153» представлял собой усовершенствованную модель биплана «И-15». Более мощный мотор, скорость, убирающееся шасси. Такая же новая машина, как «И-16» последнего типа. Этот самолет приняли на вооружение в начале тридцать девятого, но уже опробовали в небе Халхин-Гола. Говорят, японцы боялись этого истребителя как огня. Теперь его бояться финны...

Артем перевел взгляд на небо, мысленно вознесся в облака. Вот он бесстрашно несется навстречу вражеским бомбардировщикам...

Но что это? Из-за облаков вдруг вывалились самые настоящие самолеты. Для возвращающихся с задания истребителей они как-то странно заходят на посадку. Уж не финны ли?..

В небо со стороны штабного корпуса взвилась красная ракета. Опасность. Немедленный взлет.

Двигатель хоботовского истребителя работал на малых оборотах. В кабине никого не было. Артем понял, что никогда не простит себе, если сейчас не воспользуется моментом.

Да, он снова шел на грубое нарушение воинской дисциплины. Но сейчас у него просто не было выбора. Хоботов отстранен от полетов, значит, его машина будет простаивать без дела. Пока ее не расстреляют вражеские самолеты. Боевой истребитель должен взлететь в небо, чтобы уничтожить врага. А потом уже пусть уничтожают самого Артема. Хотя, конечно, лучше погибнуть под вражеским огнем, чем от пуль расстрельной команды.

Он шустро вскочил на крыло, запрыгнул в кабину.

– Твою мать, ты куда? – крикнул ему вслед техник. – Стой!

Но Артем не услышал его за шумом работающего мотора. А если бы и услышал, то все равно бы не остановился.

На свое счастье, в кабине он обнаружил летные очки без шлема. Без них в открытой кабине да еще на морозе далеко не улетишь. Впрочем, Артем был настолько решительно настроен, что вылетел бы и без них. Азарт и жажда боя захлестнули его с головой, закружили в сумасшедшем водовороте.

Он тронул машину с места, стремительно вырулил на взлетную полосу. Разгон... Машина послушная, механизмы отлажены. Только вот боеприпасов нет. Но Артему уже все равно...

Он оторвался от земли в тот момент, когда самолеты врага уже сбрасывали бомбы. Это были английские бомбардировщики «Бленхейм». Их было всего три, но под прикрытием четырех истребителей они представляли немалую опасность и могли натворить бед.

Несколько бомб обрушилось на взлетающий советский истребитель. И только недостаточная опытность финских летчиков спасла Артема от неминуемой смерти. Ни одна бомба не достигла цели. Биплан сумел подняться в воздух. Но на него тут же спикировал вражеский истребитель. Теперь Артема могло спасти от гибели только чудо. Или собственное мастерство...

Артем думал, что финн атакует его соколиным ударом. Зайдет с левой верхней полушеры и выпустит длинную очередь. Но финский летчик решил зайти в хвост. Маневр удался, но на нем он потерял много времени. Артем успел подняться на триста метров. Скорости, правда, маловато.

Даже если бы самолет был оснащен приемно-передающей радиостанцией, Артему бы это не помогло: нет шлемофона, через который он мог бы принять предупреждение с земли. А ему

сейчас этого так не хватало. Он не мог видеть противника, не знал, под каким углом тот зашел к нему в хвост. И никто не мог ему это подсказать.

Подсказка пришла со стороны финского летчика. Он дал короткую пристрелочную очередь. Трассеры прошли вдоль правого борта – вверх и в сторону. Значит, вражеский истребитель висит сзади слева и почему-то снизу. Видно, провалился при маневре. Судя по всему, вражеская машина лежит на левом крыле... Артем должен был рассчитать все правильно. Иначе смерть. Он бросил машину в правое скольжение. Резко сбросил и без того малую скорость. Финн стреляет из всех своих пулеметов. Но это уже не прицельная, а, скорее, истерическая стрельба. Вражеский летчик потерял из виду советский биплан, прошел мимо него. И мог уничтожить его лишь в том случае, если бы у него был задний пулемет. Но этого нет. И Артем может зайти ему в хвост. Что он и сделал...

Он смог навести свой самолет на цель. Скорости катастрофически не хватало, машину сваливало вниз. Но у него еще есть одна секунда, чтобы расстрелять вражеский истребитель из всех четырех пулеметов. Он нажал на гашетку. Но в ответ тишина. Самолет был подготовлен к вылету. Но без учета боеприпасов. Все четыре синхронных пулемета «ШКАС» на месте, но патронов к ним нет. И финский самолет спокойно выходит из зоны обстрела. А с неба на биплан падает второй истребитель. И этот не будет терять время, чтобы зайти ему в хвост. Упадет как коршун с высоты, всадит в фанерную плоть свой огненно-свинцовый клюв.

Но Артем не цыпленок, он – орел и никаких коршунов не боится. «Бочка» с уходом вправо, еще раз «бочка»... Скорости мало – машина плохо слушается, норовит свалиться в штопор. Сила тяжести, перегрузки до помутнения в глазах, потеря высоты. До земли метров сто, не больше. Очень мало, чтобы выровнять самолет. И очень много для того, чтобы позволить себе рухнуть на землю. Верная смерть.

Артему пришлось напрячься до предела, чтобы выровнять машину. Трассеры прошли где-то в стороне, сквозь шум винтов донесся рев проносающегося мимо самолета. Противник не достиг цели. Но ему ничего не угрожает. Он набирает скорость и уходит на разворот. А его напарник уже, по всей видимости, закончил маневр и сейчас заходит Артему в хвост.

Вверх Артему ходу нет: не хватает скорости. Остается маневр на виражах. Но это потеря высоты, а до земли и без того рукой подать. Но выход есть. Артем врубил форсаж, убрал заслонки радиатора – чтобы уменьшить лобовое сопротивление. В таком режиме мотор сможет проработать минуту-две, затем его заклинит. Но сейчас его может спасти только скорость.

Набор высоты сжирает скорость. Поэтому он разгонял машину по горизонтали. А финн точно, завис на хвосте. Слева по борту воздух вспороли трассеры. Артем положил машину на правое крыло, но вираж закладывать не стал – нельзя терять высоту и скорость. Сзади опасность, но он разгонял самолет по прямой в форсированном режиме. И это дало свои результаты – финн стал отставать. Но по-прежнему бьет из пулеметов. Несколько пуль чиркнули по правому крылу. Но вреда не причинили.

Финский летчик отставал, но не настолько, чтобы остановить преследование. Он явно ждал, когда Артем начнет набирать высоту, чтобы угробить его на взлете. А земля совсем рядом. Снег, лед замерзшей реки. Прямо по курсу железнодорожный мост. Высокие верхние конструкции. Достаточно широкий центральный пролет, только вот по высоте не очень. И все же пролететь можно. Только какой в этом смысл?

Артем шел над рекой. Сейчас он потянет ручку штурвала на себя, самолет взмлет над мостом. Но частый чахоточный кашель мотора известил, что с ним происходит что-то неладное. Винт застопорился. Все-таки не выдержал двигатель форсированной нагрузки. Заклинило мотор. А раз так, то машину поднимать нельзя. Остается только одно – пролететь под мостом. Благо, что у Артема еще есть возможность выровнять машину и направить ее в пролет...

Самолет прошел под мостом, винтом коснувшись снежного покрова. Еще бы чуть-чуть, и можно было бы брюхом вспахать лед. Но Артему повезло. Самолет плавно пошел на взлет,

вынырнул из-под моста. А спустя пять-шесть секунд после этого позади него раздался взрыв. Это финский самолет врезался в верховые конструкции моста...

С первого захода финские бомбардировщики и два истребителя смогли уничтожить на стоянке два советских самолета. «Бленхеймы» заходили на второй круг, когда в воздух стали подниматься «ишаки» и «чайки». Еще один истребитель был сбит на взлете, зато все остальные смогли набрать высоту. Все вражеские бомбардировщики были уничтожены, вместе с ними сгорел один истребитель. Другой разбился, преследуя Артема. Два финских самолета сумели ударить. На этом бой был закончен, и все участвовавшие в нем советские истребители вернулись на аэродром. А вот Артему пришлось идти на вынужденную.

Посадка с убранными шасси на заснеженное поле прошла успешно. Машина плавно шлепнулась на брюхо. Лопасты винта снова согнулись в бараний рог, серьезно пострадало правое крыло. Зато Артем жив-здоров. Только вот настроение осталось висеть на опорной балке пройденного моста. Он снова совершил дисциплинарный проступок, граничащий с преступлением. Тем более что машина испорчена. На этот раз он точно пойдет под трибунал и ничто его не спасет...

Остывала после жаркого боя душа. Остывало на морозе тело. Ледяной ветер задувал в открытую кабину. Теплая куртка спасала туловище. А ногам досталось не на шутку. Брезентовые солдатские сапоги легко пропускали холод, даже теплые портянки не препятствие. Чтобы согреться, Артему пришлось выбраться из кабины. Собрал охапку валежника, развел костер. Хорошо, что он упал на свою землю. Попади он на территорию врага, ему бы сейчас пришлось бежать со всех ног прочь от места падения. Одному. И без оружия...

«Техничка» прибыла часа через два. Самолет взяли на буксир и оттащили на аэродром. Артему же было приказано предстать перед командиром. Разбор полетов.

Перед командиром эскадрильи Артем стоял с опущенной головой. Подполковник Гурков смотрел на него строго.

– Кто вам разрешил подняться в воздух, товарищ отделенный командир? – сухо спросил он.

– Так была же ракета... – Артем прекрасно понимал, что это не оправдание.

– Ракета для летчиков. А вы кто?

– Младший технический состав.

– Вот видите... И тем не менее... За что вы были отчислены из летного училища?

– За самовольную отработку тактического приема ведения боя на предельно низких высотах! – четко отрапортовал Артем.

Теперь у него была новая версия происшедшего.

– А если без загибов, коротко?

– Выпускной экзамен сдавали по летному мастерству. А я под мостом через Москву-реку пролетел. Представил, что за мной вражеский истребитель гонится, а я от него ухожу...

– И далеко ты ушел? – усмехнулся командир.

Переход с «вы» на «ты» свидетельствовал о том, что отношение к нему потеплело.

– На взлете крылья подрезали. То есть машину я не повредил. Меня повредили. Должен был офицером стать, а стал простым красноармейцем. Я, конечно, не жалею. Все равно, в каком звании, лишь бы Родине служить...

– Под мостом летать – целая наука. А ты, получается, два раза под ним прошел... И от финна ты грамотно уходил, я видел. На хвост ему сел... Чего не стрелял?

– Так боекомплекта не было.

– Без боекомплекта, без парашюта. Ты хоть понимаешь, что тебя сбить могли?

– Волков бояться – в лес не ходить.

– На вынужденную почему сел?

Артем объяснил. Нужна была скорость, пришлось включить форсаж, прилизать заслонки радиатора. Другого выхода у него не было. И командир с ним согласился.

– И то, что под мост ушел, тоже правильно, – кивнул он. – Финн тоже вот хотел твой маневр повторить. А кишка тонка оказалось... Сколько тебе до выпуска, говоришь, оставалось?

– Последний госэкзамен сдавал. Не сдал. Отчислили.

– Экзамен по летному мастерству?

– Да.

– Будем считать, что ты сейчас его сдал. В боевых условиях. И одну одержанную победу запишем на твой счет... Летать хочешь?

– Спрашиваете! – просветлел лицом Артем.

Артема перевели в летный состав эскадрильи, зачислили в отряд, где служил его друг Вася Зверев. И начались тяжелые летные будни.

Первое время Артем кружил над аэродромом в учебных полетах. Стрелял по макетам учебных целей, гонялся за конусом, имитирующим вражеский самолет. Командир отряда по достоинству оценил его летное мастерство, принял все зачеты по матчасти. И только затем допустил к боевым вылетам.

В войне с белофиннами советское командование активно применяло дальнюю и среднюю бомбардировочную авиацию. Но, как это ни странно, бомбовозы шли на задание без прикрытия истребителей. Видимо, им хватало собственного бортового вооружения, чтобы отбиваться от финских перехватчиков. Может, виной всему плохое взаимодействие между истребительной и бомбардировочной авиацией. Так или иначе, эскадрилья, в которой довелось служить Артему, в основном выполняла задачи по уничтожению наземных целей и прикрытию своих войск на поле боя.

Летать приходилось в тяжелых климатических условиях. Зима сорокового года в Финляндии была отмечена рекордно низкой температурой. Случалось, что столбик термометра опускался до сорока градусов ниже нуля. А ведь кабина у «чайки» открытая. А в конце января полк перебазировался на новые позиции. Взлетать приходилось со льда Ладожского озера. Истребители были переставлены на лыжи. Все хорошо, но убирать лыжи после взлета приходилось вручную. Артем каждый раз выбивался из сил, накручивая трос на механическую лебедку. После такой процедуры тяжелый меховой комбинезон становился мокрым изнутри. А со всех сторон в открытую кабину ледяными струями хлестал морозный воздух. Ощущение не из приятных. Бывало, что на цель он выходил в полубоморочном состоянии. А надо было еще отбомбиться или отбить атаку вражеских самолетов...

Не легче было и на земле. Войска, действовавшие на Карельском перешейке, отчаянно штурмовали самый укрепленный узел линии Маннергейма. Потери были огромны. Лютые морозы обрекали на верную смерть даже легкораненого бойца. Артему приходилось висеть над позициями белофиннов. И он как никто другой понимал, что у врага не вся укрепленная линия представляет собой цельный огнеупорный монолит. Самый мощный опорный узел Тайпале можно было просто-напросто обойти, но отцы-командиры упорно бросали своих солдат на штурм неприступных позиций. Кто-то зарабатывал себе ордена, а кто-то умирал, выполняя честолюбивый приказ...

Финны провели всеобщую мобилизацию. С вооружением у них было очень плохо. Случалось, что их солдаты шли в бой без патронов к своим винтовкам, а зачастую и без оружия. Но к ним шла помощь из Европы. Только из Швеции прибыло около восьми тысяч добровольцев. Шли поставки вооружения и техники. Истребители, зенитные орудия. Больше всех помогала Англия – новыми истребителями, бомбардировщиками. Америка и Италия помогли истребителями, в том числе с закрытой кабиной.

Все чаще в воздухе вспыхивали ожесточенные воздушные сражения. К концу января Артем имел на своем счету три победы – один истребитель и два бомбардировщика «Фоккер». А в середине февраля ему было присвоено воинское звание «лейтенант»...

Это был его первый боевой вылет в офицерском звании. Ведущим был капитан Сергеев, ведомые – он и лейтенант Хоботов. Для Генки это был всего лишь второй боевой вылет после того случая, когда он загубил самолет. Задача предельно ясна. Прикрытие наступающих войск от вероятных бомбовых ударов со стороны противника.

День, небо безоблачное. Внизу что-то гудит, грохочет. Но этих звуков Артему не слышать. Только шум мотора и завывание воздушных потоков. Командир звена капитан Сергеев идет в атаку, он же прикрывает его. В свою очередь второй ведомый Хоботов прикрывает его самого...

Сергеев пошел на снижение. Артем нырнул вслед за ним. Три советских истребителя прошли над танками «Т-26», которые тащили за собой тяжелые бронированные сани с пехотой. Помахали крыльями. Снова набор высоты. Все выше и выше. И с борта ведущего самолета взлетела белая ракета. Предупреждение об опасности.

Так и есть, высоко в небе появились финские бомбардировщики, шесть единиц. Сергеев принял правильное решение. Он зашел на атаку со стороны солнца.

Финские штурманы уже готовились к бомбометанию, когда на них обрушились три «чайки». Артем взял в прицел выбранный на растерзание «Бленхейм» английского производства. Сергеев взял правильный угол атаки. Истребители падали на бомбардировщики спереди по их курсу, за счет чего не попадали в сектор обстрела с верхнего пулемета. Но и попасть в самолет с такого положения очень трудно. Каких-то три-четыре секунды, и цель выйдет из зоны обстрела. Артем примерился к правому мотору бомбардировщика и, когда настал момент, нажал на гашетку. Он видел, что огненные трассеры чиркнули по крылу. Но результат стрельбы он смог оценить только после того, как прошел над целью.

Два бомбардировщика шли к земле, оставляя за собой жирный черный след. Лейтенант Хоботов со своей задачей не справился. Хорошо, что он вообще не сбился с курса. И сейчас продолжал идти за ведомым. Сергеев повторил атаку. Но, видимо, финские летчики посчитали, что имеют дело с опытными пилотами. Попутно избавляясь от бомб, «Бленхеймы» легли на обратный курс. Но «чайкам» хватило скорости, чтобы догнать их. Артем снова отличился. Сбил второй в этой бою бомбардировщик. И Сергеев тоже не промазал. Хоботову снова не повезло. Ничего, хоть опыт воздушного боя приобретет...

Осталось еще два бомбардировщика. Легкая добыча. Капитан Сергеев отвернул от цели, стал набирать высоту. Артем шел за ним как приклеенный. Позади болтался Генка. Все нормально. Сейчас они снова зайдут на атаку. Но что это такое?

Английские «Спитфайры» упали на «чайки» со стороны солнца. Ошеломляющий эффект внезапности. Первой вспыхнула машина Сергеева. Артем тоже был атакован, но каким-то чудом английский истребитель не причинил ему никакого вреда. Видимо, за штурвалом этой машины находился пилот не лучше Хоботова. Зато ведущий финской двойки не лыком шит. Уровень его мастерства Артем оценил по тому, как тот уходил на разворот для повторной атаки. Четко, уверенно, с набором высоты.

«Чайка» Сергеева покрутилась в воздухе под шлейфом черного дыма. А затем взорвалась. Все произошло очень быстро, за это время пилот не успел бы выпрыгнуть с парашютом. Значит, капитана Сергеева больше нет. Жаль. Но сейчас не до жалости: бой еще не закончен. Артем остался за ведущего. Лишь бы только Генка не подвел...

Английский «Спитфайр» – машина скоростная, с мощным вооружением. «Чайка» уступала ему по этим показателям, но имела лучший маневр на виражах. И Артем должен был этим воспользоваться.

Пока он разворачивал самолет, вражеские истребители разделились. И он смог зацепиться взглядом только за одну машину. Была возможность зайти «Спитфайру» в хвост. Но англичанин вовремя совершил маневр и выскочил из зоны обстрела еще до того, как Артем готов был открыть стрельбу. Враг ушел от него, но залез под прицел Хоботова. И тот выпустил в него длинную истерическую очередь. В это трудно было поверить, но мазила и неумеха Генка попал. «Спитфайр» вспыхнул, как просмоленный пучок соломы, и, закручиваясь по спирали, понесся к земле.

Вслед за ним загорелся и сам Генка. Это второй англичанин спикировал на него и пушечным снарядом разворотил мотор. Теперь Артем оставался с ним один на один. У него уже не оставалось сомнений, что против него действовал опытный летчик.

Артем заложил крутой вираж, но англичанин не позволил ему зайти в хвост. Он развернул свою машину и пошел в лобовую. Преимущество в высоте и вооружении за ним. Но Артем не испугался и смело пошел навстречу врагу. Уверенности добавляют четыре скорострельных пулемета. Но все равно страшно. Неприятель стремительно приближается, сейчас он начнет стрелять. Не очень вдохновляющее зрелище – смотреть, как трассирующие пули летят тебе в лицо...

Но рука его не дрогнула. Он уверенно навел самолет на цель. И начал стрелять одновременно с вражеским летчиком. Одна пуля ударила в козырек, пробила его насквозь, но Артема, к счастью, не задела. Вторая отщипнула кусок обшивки фюзеляжа. Враг пронесся мимо. Не было заметно, что Артем нанес ему существенные повреждения.

Артем развернулся. И англичанин тоже должен совершить тот же маневр. Но его самолет летит по какой-то невероятной траектории. И к тому же клонится к земле. Артем догнал его. Но стрелять не пришлось. Самолет сам рухнул на землю и взорвался. Видимо, еще на лобовой атаке он смог подстрелить летчика...

Артем оставался в воздухе один. Но был еще один самолет. Машина Генки Хоботова. Тот не стал выбрасываться с парашютом, а ухитрился посадить горящую машину.

Его истребитель горел, но не взрывался. Возможно, Генка Хоботов где-то неподалеку. А вокруг враги... Артем снижался, чтобы на бреющем осмотреть место посадки. Может, Хоботова увидит, а может, прикроет его огнем.

Снижаясь, он заметил подозрительно движение в полосе редкого леса, откуда можно было напрямик выйти к месту вынужденной посадки. Неужто финская пехота?.. На бреющем он прошел над самолетом. Генка находился в кабине. Может, он ранен и у него сил нет выбраться из машины?

Артем сделал второй круг. Пошел на снижение, погасил скорость, выпустил лыжи. Судя по всему, снежный покров позволял сесть на шасси.

Сел удачно. Выбрался из кабины, бросился к Хоботову.

Генка был в сознании. Но, как говорится, ни бэ, ни мэ. Может, ему мозги отшибло... Впрочем, некогда было гадать, что да как. Артем через силу вытащил его из кабины, вместе с ним упал на снег, кое-как дотащил его до своего самолета. Генка уже стал кое-что соображать. Взобрались на крыло. Что делать дальше, Артем не знал. Кабина слишком маленькая, чтобы вместить двоих. Может, привязать Генку к крылу? Машина сильная, потянет двоих. А с неизбежным в таких случаях креном он как-нибудь справится...

– Там... Смотри... – пробормотал Генка.

Артем бросил взгляд в сторону, куда он смотрел, и увидел цепочку одетых в гражданское, но вооруженных людей. Финские егеря или добровольцы. Но кто бы это ни был, добра от этих людей ждать не приходилось. Тем более что уже послышались первые выстрелы.

– Генка, мать твою, держись! – крикнул Артем.

Хоботов лег на нижнее крыло, изо всех сил вцепился в опорную стойку. Артем прыгнул в кабину, взял стартовый разгон. Взлетать или не взлетать? Если взлетит, то у Хоботова будет

очень мало шансов удержаться на крыле... А пока что он просто гнал машину по заснеженному полю, чтобы уйти от преследователей.

А впереди тоже какое-то движение... Артем не сразу понял, что ему навстречу шли те самые танки с бронированными санями, которые они спасли от бомбового удара. Теперь эти танки должны были спасти летчиков...

Генку отправили в тыл по земле. Артем вернулся на аэродром по воздуху. А война продолжалась.

Советские войска прорвали оборону противника и продвигались в глубь страны. Финны отчаянно сопротивлялись. Странное дело, но финский пролетариат почему-то не повернул оружие против своих поработителей-капиталистов...

В марте 1940 года правительство Финляндии подписало мирный договор на предложенных Советским Союзом условиях. Война закончилась. И полк вернулся на свою базу под Ленинградом.

Глава третья

Август 1940 года. Тушино.

Московская область.

За последний год Влада изменилась. Стала еще красивей. Более женственной. Но Артем смотрел на нее с плохо скрытой злостью. Еще бы! Ведь она шла под ручку с каким-то майором автобронетанковых войск. Важная, гордая, но в глазах лукавые, если не сказать блудные, искорки. Яркая, загорелая. Чертовки красивая, дьявольски желанная. И с другим...

Она только что вышла из своего подъезда, присоединилась к ожидавшему ее кавалеру. Артем вышел из сумрака подворотни, шагнул ей навстречу. Новенькая военная форма младшего офицерского состава. Темно-синяя пилотка, гимнастерка, отутюженные брюки бриджи, начищенные до блеска хромовые сапоги, командирский ремень, кожаная портупея через правое плечо. На рукаве знак летного состава ВВС. В голубых петлицах три кубаря. На правой стороне груди сияет орден Боевого Красного Знамени. Старший лейтенант Гудимов, герой-орденоносец, командир звена истребителей. Он так ждал этого момента, чтобы предстать перед Владой верхом на белом коне. А она с другим...

– Ну здравствуй, Владислава! – В его голосе звучала нескрываемая обида, в глазах стоял упрек.

Влада узнала его, остановилась.

– Артем?! Ты...

Ее взгляд скользнул сначала на петлицы, затем на орден.

– А-а... М-да...

Ей нечего было сказать. И она просто улыбнулась ему. Так обаятельно улыбаться могла только она.

– Может, вы позволите нам пройти, товарищ старший лейтенант? – нахмурился майор.

У него не было ни ордена, ни медали. Это, конечно, не умаляло его воинского достоинства. Не всем же повезло участвовать в боевых действиях. Но на Артема он смотрел с плохо скрытой завистью.

– Ну, если Влада скажет, я отойду, – скользнул по нему мрачным взглядом пилот.

– Мне кажется, что я старше вас по званию, – не очень решительно напомнил майор.

– Это сейчас не играет роли, – покачал головой Артем. – В этой ситуации самая старшая по званию – она.

– Максим, вы, наверное, идите, – сказала Влада.

– Без вас? – обескураженно спросил тот.

– Максим, право, я сегодня не могу!.. В другой раз, хорошо?

Она выразительно посмотрела на Артема, как бы говоря, что никакого другого раза не будет.

– Ну как знаете!

Майор понял, что ему дают отставку. Но у него хватило выдержки, чтобы выйти из ситуации с честью. Отстранился от Влады и ушел.

– И что это значит? – кивком головы показал в его сторону Артем.

– А ничего не значит...

Влада весело смотрела на него и мило улыбалась. Как будто в самом деле ничего не произошло.

– Так, знакомый. В кино меня пригласил. Я отказывалась, а он настаивал. Пришлось согласиться, чтобы он отвязался... А ты чего так нежданно-негаданно, как снег на голову? Хоть бы написал, что приедешь.

– Так вышло...

Отпуск был обещан Артему в ноябре. Но ему повезло: один из офицеров решил поменяться с ним местами в графике отпусков. Артем не отказался, потому что тот должен был гулять в августе. Зимой и водка холодная, и бабы не потные, но все равно в отпуск лучше отправляться летом. Вот он и отправился. Еще вчера он был в Ленинграде, а сегодня уже в Москве. Заскочил домой, сполоснулся после дороги, нагладился, перекусил и бегом к Владе.

– Красивый ты. – Она откровенно любовалась им. – Орден, три кубика в петлицах...

– Разве это новость для тебя? Я же писал, что награжден, что звание досрочно дали...

Орден он получил за свои сбитые шесть самолетов. Очередное воинское звание досрочно ему присвоили за спасение Генки Хоботова. В должности повысили за летное и тактическое мастерство. Всего лишь один год, а сколько перемен. Глядишь, лет через десять-пятнадцать комбригом станет.

– Ну, ты-то писал... – непонятно почему замялась Влада. – Ты писал, что училище закончил. А тебя из училища отчислили...

– Ты откуда знаешь? – обескураженно спросил Артем.

– Да так, знаю... – ушла от прямого ответа она.

А он не стал допытываться. Ну, знает и знает...

– Отчислили из училища, – подтвердил Артем. – А за что, знаешь?

– Знаю. За то, что под мостом пролетел... – весело и многообещающе улыбнулась она.

– Я слева направо под мост влетел. За это, считай, разжаловали. А потом справа налево пролетел. За это мне «лейтенанта» вернули. И первая личная победа...

Не вдаваясь в подробности, он рассказал, как обхитрил финского летчика.

– Да ты у меня герой! Ты писал мне про орден, про звание. Я думала, врешь... А это все правда... Два раза под мостом пролетел. Целых два раза... А хватило бы и одного. Я же тебе не какая-то там, я держу свои обещания... Артем, а пошли ко мне. Домой!

– А как же родители? – опешил он.

– Родители сейчас в Крыму отдыхают. Море, магнолии. Я, кстати, только позавчера оттуда приехала. Лето заканчивается, к учебному году нужно готовиться...

И товарищ майор ей в этом помогает, недовольно подумал Артем. И тут же решил, что ничего такого в этом нет. Ведь майор ждал ее возле дома, чтобы пойти с ней гулять. А ведь он мог подняться к ней. Но Влада и не думала приглашать его к себе. А вот Артема пригласила...

Квартира большая. Три комнаты, кухня, просторный холл. Резная лакированная мебель, кожаный диван с высокой спинкой, в горнице хрустальная с позолотой люстра под потолком, ковер на полу. И большой круглый стол под тарелкой ретранслятора. На стене портрет товарища Сталина.

– Отец у меня на заводе важная персона, – сказала Влада. – Раньше мы в бараке жили, а в позапрошлом году квартиру вот дали. Нам домработница полагается. А отец и слышать об этом не хочет. Говорит, что это пережитки старого. Не должен, говорит, один советский человек прислуживать другому советскому человеку. Хорошо хоть от машины не отказался... Знаешь, машина сейчас в гараже, но, если понадобится, всегда можно позвонить. Эх, съездить бы куда-нибудь, а! – мечтательно протянула Влада.

– Куда?

– Да куда-нибудь, где людей много. Представляешь, выходим мы с тобой из машины. Ты в форме, с орденом, я вся белая, нарядная... Еще бы три шпалы тебе в петлицы вместо кубиков...

– Всею свое время, – сдержанно улыбнулся Артем.

– Три шпалы – это полковник?

– Нет, уже не полковник. Это раньше можно было с майора сразу полковником стать. Но этим летом дополнительное звание «подполковник» введено. Так что полковник – это уже четыре шпалы...

– И долго надо служить, чтобы полковником стать?

– А это смотря как служить. Если война будет, то можно за два-три года дослужиться...

– С кем война? – насторожилась Влада.

– Или с японцами, или с немцами. А может, и с теми, и с другими.

– Ты это серьезно?

– Ну, пока других вариантов нет... А тебе что, страшно стало?

– Еще чего! Если немцы нападут, мы их в два счета...

– А на третий прихлопнем! – улыбнулся Артем.

Как кандидат в члены партии он обязан был поддерживать оптимистические настроения в массах. Да им и самим на политзанятиях не уставали твердить, что Советские вооруженные силы самые сильные в мире. Но Артем-то уже побывал на войне. Видел, как воюет самая «бое-способная» армия. Если малочисленную и плохо вооруженную финскую армию с трудом одо-лели, то что уж тогда про Германию говорить. Немцы пол-Европы, считай, завоевали. У них огромная армия, передовое оружие. И самолеты у них уже не те, на которых они в Испании воевали. Превосходные у них самолеты. Все летчики с боевым опытом. Страшно подумать, что будет, если фашистская армия навалится на Советский Союз. Даже при всем своем уважении к «ишакам» и «чайкам» Артем не мог сравнить их с немецкими истребителями. Наши машины уже морально устарели, а новых самолетов, в которых нуждаются войска, все нет и нет. Да что там новые самолеты. Эскадрилья, в которой он сейчас служил, летала на «И-16» старого типа. На этих машинах еще в Испании воевали. Сейчас в ходу «И-16» новых типов – изменяемый шаг винта и более мощный мотор. Но и они уже устарели. И даже этих машин нет... Но Владе не нужно знать о его сомнениях.

– Ты, наверное, голоден, а я тебя разговорами мучаю...

Артем стал отказываться. Но Влада и слушать его не стала. Принесла половину яблочного пирога собственного приготовления, согрела чай. И еще поставила на стол бутылку марочного вина, достала бокалы.

– Из Ялты привезла! – весело сообщила она. – Ты привезла, а я с пустыми руками... – смутился Артем. – Я схожу...

У него есть деньги, и, раз уж запахло вином, он сам должен поставить бутылку. Надо всего лишь сходить в магазин. А это рядом. Но Влада его удержала. Уперлась руками в плечи, жарко заглянула в глаза.

– Я тебя никуда не пущу! – прошептала она.

Ее губы были совсем близко, он ощущал тепло ее дыхания, вдыхал волнующий запах ее волос. Она пьянила похлеще всякого вина. У Артема пошла кругом голова. Не в силах сдерживаться, он приблизил к ней свое лицо, губами коснулся ее губ.

Влада не отстранилась. Их губы слились в долгом страстном поцелуе. Артему казалось, будто он летит с огромной высоты. Затяжной прыжок. Уже пора раскрывать парашют, а он не торопится дергать за кольцо...

За кольцо дернула Влада. Она первой оторвалась от него, перевела дух.

– Как это у вас, у летчиков, называется? – задорно спросила она. – Крутое пикие?

– Что-то в этом роде.

– И часто ты так пикируешь?

– С чего ты взяла?

– Целуешься по-настоящему. Кто научил?

Разумеется, у Артема были девушки. Одна на втором курсе, другая на третьем. Но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с Владой. Небо и земля...

- Да была подруга. Но это уже давно пройденный этап, – поспешил заверить он.
- Красивая? – спросила Влада.
- Симпатичная. Но и мизинца твоего не стоит...
- А ты с ней только целовался? – Она глубоко заглянула ему в глаза.
- Как будто в самую душу хотела влезть.
- Да, только целовался, – соврал он.

На самом деле у них с последней его пассией было нечто большее. После такого приличные парни делают девушке предложение руки и сердце. И Артем собирался это сделать. Но тут его подруга загуляла с другим курсантом. Этим она Артема несколько не расстроила.

Они выпили. Потом еще.

Влада слегка опьянела, взгляд еще больше затуманился. Она подошла к граммофону.

*Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви...*

Артем пригласил свою даму танцевать.

*Мне немножко взгрустнулось
Без тоски, без печали.
В этот час прозвучали
Слова твои.
Расстаемся, я не в силах злиться,
Виноваты в этом только ты и я...*

- Грустная какая-то песня, – заметил Артем.
- Немножко грустная, – с томной улыбкой поправила его Влада. – Без тоски, без печали...
- Но мы же не собираемся расставаться? – Он заглянул ей в глаза.
- Только встретились и уже расставаться? Что за мысли у тебя...
- А любовь есть?

Он спросил мягко, но прозвучало почему-то резко. Влада даже чуточку вздрогнула.

– Любовь?! – слегка запоздало переспросила она. – Без любви нельзя...

– Я тебя люблю! – выпалил Артем и крепко прижал ее к себе.

Какое-то время они стояли без движения. Влада тяжело дышала. Волнуется... Сейчас сделает ответное признание.

– Люби. Я не против... – разрешила она.

Ответного признания не прозвучало. Видимо, Влада не решилась. Застеснялась, застыдилась... Но признание Артема не оставило ее равнодушной. Он чувствовал, как дрожит ее тело, как высоко вздымается ее и без того высокая грудь.

А граммофон продолжал душещипательно стонать:

*Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви...*

– Это не правда, что любви нет, – сказал Артем. – Любовь всегда есть...

– А никто этого не отрицает... Любовь была, есть и всегда будет. Без нее никуда... А давай еще выпьем?

После третьего бокала Влада совсем захмелела. Повисла на шее у Артема, в страстном томлении шепнула на ухо:

– Я обещала тебе крепкий-крепкий поцелуй...

И снова их губы слились в долгом глубоком поцелуе. Но это была всего лишь прелюдия перед более захватывающим действием. Влада только того и ждала, чтобы Артем подхватил ее на руки, положил на диван. И когда это случилось, из ее груди вырвался легкий страстный стон. Глаза полузакрыты, на губах блаженная улыбка. Но руки в движении. Он не сразу понял, что она расстегивает ремни его портупей...

Артем и раньше, хоть и смутно, но все же догадывался, какое значение она вкладывала в понятие «крепкий-крепкий поцелуй». И сейчас его смелая догадка подтверждалась... Он нисколько не жалел о том, что совершил безумный пролет под мостом, что попал на финскую войну простым красноармейцем. Все невзгоды позади, он – офицер, орденосец. Влада принадлежит ему... У него много планов на будущее. Но главная его мечта уже сбылась. Влада с ним. Влада с ним навсегда...

Он нисколько не терзался угрызениями совести, снимая с нее платье, стягивая с ее роскошных ног ажурные чулки. Он знал, что сейчас произойдет. Ведь все это естественно... А потом они поженятся. Обязательно поженятся. Он заберет ее с собой в гарнизон, они будут жить долго и счастливо. У них будут дети. И первенец родится уже через девять месяцев...

Артем знал, что должно произойти. Но почему-то не верилось, что все уже случилось – Влада под ним, стонет, извивается всем телом. Глаза закрыты, на лице печать плотского удовольствия. Он и сам задышался в страстном угаре.

Влада не скрывала своего восхищения:

– Артем, ты лучший!

– Да, я рад... – хмуро изрек он.

– Ну где же ты рад? – обиженно надула она губки. – Ты не рад... Что-то случилось?

– Да вот думаю, среди кого я лучший?

– Ты самый лучший из всех!

– И много их было, этих всех?

– А-а, ты все понял... – опечалилась Влада. – Ну было один раз...

– С кем?

– А тебе не все равно?

– Было бы все равно, я бы не спрашивал.

– Это еще до тебя было. В прошлом году... Меня изнасиловали...

Казалось, Влада сейчас заплачет. Артем гневно свел брови к переносице. Такое ощущение, что внутри все перевернулось.

– Кто?

– Это страшно. Это очень страшно... Я из института возвращалась, к трамвайной остановке шла. А тут большая черная машина. Какой-то майор вышел, сказал, что из НКВД. Ну, мне страшно стало. Думала, арестуют. Я в машину села. Куда меня везли, не знаю. Помню, что в дом какой-то привели. Человек зашел. Толстый такой, голова как дыня. Френч зеленый, галифе, сапоги как у тебя. Вино, фрукты. Думал, что я дура какая-то. Я ему отказала, но вино попробовала... Просыпаюсь, перед глазами туман, голова болит. И внутри больно... Усыпили меня, а пока я спала, меня этот толстяк изнасиловал... Ты что, теперь меня бросишь?

Она трогательно смотрела ему в глаза, по щеке катилась слеза.

– Как найти этого ублюдка? – зло сквозь зубы спросил Артем.

– Я не знаю... Да и не надо его искать. Если найдешь, то на свою погибель...

– Он что, из НКВД?

– Да. Из высшего начальства. Пользуется своей безнаказанностью...

– Какая безнаказанность?! О чем ты? Этот подонок совершил преступление, и он должен отвечать перед законом. И перед партией. Перед партией мы все равны!

– Да, конечно... Только я так не думаю. И боюсь этого толстяка. Да он меня одним движением пальца как муху раздавит. И отца моего и мать... И еще, никто про тот случай не знает. Даже мой отец. И я прошу тебя, никому и никогда. Пусть это будет наша тайна!.. Или ты отрекаешься от меня?

– Никогда!

Он крепко прижал ее к себе. Она плакала у него на груди. Затем затихла. Заснула. Он лежал с открытыми глазами, а она спала. Это были самые счастливые минуты в его жизни...

Артем уже давно подозревал, что сотрудники НКВД неспроста нагоняют на людей страх. Вооруженный отряд партии все больше напоминал средневековую инквизицию. В стране шла охота на ведьм. И чекисты зачастую сами решали, кто враг народа, а кто нет. Они же считали себя непогрешимыми. Их боялись как огня. Конечно же, далеко не все пользовались своим правом на беззаконие. Но находились оборотни, которые творили зло под покровом красного знамени. То, что случилось, с Владой, яркий тому пример... И она права, про тот случай лучше забыть. Потому что искать правду смысла нет. Иначе «правда» сама найдет тебя. Был бы человек, а грехи всегда найдутся... И вообще, лучше никогда не затрагивать эту опасную тему. Потому что в НКВД служат исключительно честные и порядочные люди. Так было, есть и будет. И Советский Союз – самая лучшая в мире страна, в ней живут самые счастливые люди. Артем обязан свято в это верить. Приходится верить... Но если он все-таки встретит того лысого и толстого похабника, он сам лично разобьет ему морду. И плевать на последствия...

Артем пропал у Влады четыре дня.

А потом приехали ее родители. И Влада представила им Артема как своего жениха. Чему он был бесконечно рад.

Ее отец был статным представительным мужчиной, но замашки у него отнюдь не барские. Простой, открытый. Типичный представитель рабоче-крестьянской интеллигенции. Звали его Яков Никифорович. Мать – Елизавета Георгиевна. Красивая милая женщина лет сорока. Было видно, что она идет в ногу со временем, дружит с модой. Одета нарядно, со вкусом, с иголочки. Но ни ханжества в ней, ни зазнайства. Приятная улыбка, располагающий взгляд. С ней было легко и просто. Артем очень хотел, чтобы и Влада в ее годы была такой, как ее мать...

Артема приняли в семье как родного. Елизавета Георгиевна назвала его красавцем-мужчиной. Отца очень заинтересовал его орден. Он подробно расспрашивал его о войне. Особенно его интересовало, как вела себя в бою «чайка».

– Отличная машина, – рассказывал Артем. – Только вот скорости маловато. И кабину нужно закрыть. Бронирование усилить. Опять же управление жестковатое. Я слышал, что у немцев на самолетах гидроусиление, электрические приводы...

– А ну вас! – с притворным возмущением махнула рукой Влада. – Как будто больше говорить не о чем!

Но отец даже ухом не повел. Все внимание на собеседника:

– Будут и у нас такие самолеты, обязательно будут. А скоростные самолеты уже есть...

Он не стал говорить, какие именно это самолеты, на какой стадии разработки они находятся, когда начнут поступать в войска. Информация секретная. И не важно, что Артем советский легчик, а не вражеский шпион...

– Ты в какой должности служишь? – перешел на «ты» Яков Никифорович.

Артем не возражал. Как-никак будущий тесть...

– Командир звена.

– Год службы, и уже командир звена. Хорошо. Очень хорошо... Шесть сбитых самолетов. Это здорово...

А спустя неделю он заговорил с ним на житейские темы. Спросил, в каком округе он служит, в каких условиях живет.

– Условия боевые, – улыбнулся Артем. – Офицерское общежитие... – А вот на Владиславе женишься, где жить будешь?

– Ну, думаю, комнату выделяют...

– Знаю я эти комнаты. Метраж три на четыре, ни удобств, ничего. Это, конечно, не страшно. Дело-то оно молодое... Но было бы лучше, если бы Владислава с нами жила...

– Как это? – не понял Артем. – Я в гарнизоне, а она здесь?

– И ты можешь жить с ней. Мы сейчас испытываем новые модели самолетов, и нам нужны летчики-испытатели. Могу устроить тебе перевод. Будешь летать здесь, в Тушине...

Соблазн был велик. Прельщало не то, что можно было служить по месту жительства жены и родителей. Здесь, в Тушине, служил и поднимал в небо опытные модели самолетов сам Чкалов. И вообще, летчик-испытатель профессия почетная...

– Ну так что? – спросил Яков Никифорович.

– Я не знаю, – пожал плечами Артем.

Но ему вовсе не хотелось, чтобы на него показывали пальцем. Вот, дескать, смотрите, идет зять товарища Самородова. Женился на дочери большого начальника, чтобы заполучить теплое местечко. И хотя должность летчика-испытателя нельзя считать теплым местом, но все равно не хотелось быть чьим-то прикормышем...

Пожалуй, будет лучше, если он останется на прежнем месте.

– У меня перспективы неплохие, – словно оправдываясь, сказал Артем. – Начальство ценит, с товарищами хорошие отношения. К зиме обещали на заместителя отряда поставить...

Ему и самому с трудом верилось, что его могут назначить на эту должность: слишком он молод для нее. Но ведь ему в самом деле обещали.

– Это хорошо, – поверил ему будущий тесть. – Там, глядишь, и командиром эскадрильи станешь, карьеру сделаешь...

Яков Никифорович – руководитель крупного авиационного завода, величина. Рабочей закалки человек. Только вот настроения у него какие-то мещанские. Хорошее место, карьера... Но Артем его понимал. Самородов сам большой человек и ему того же желает. И о своей дочери заботится. Ведь приятно будет узнать, что муж твоей дочери стал майором или даже полковником... И все же было бы лучше, если бы Артема избавили от таких разговоров. Карьера – это хорошо, но любовь превыше всего. Он любит Владу. И она любит его. Что может быть главнее?..

Отпуск приближался к концу. Артем собирался в дорогу. Он был бы не прочь забрать с собой Владиславу. Но сначала свадьба. А Яков Никифорович не считал нужным торопить события. И назначил свадьбу аж на следующее лето. И то ориентировочно... Что ж, пусть будет так. Влада останется дома, а он отправится в войска и будет служить, не отвлекаясь на семейные проблемы. Он будет вон из кожи лезть, но добьется обещанного назначения. А к лету – чем черт не шутит – станет уже командиром отряда, тогда у него в подчинении будет целых три звена самолетов-истребителей. Если ему в этом повезет, то Яков Никифорович уж точно не будет тянуть кота за хвост и отдаст за него свою дочь...

Артем возвращался от Влады домой к родителям в думах о будущем. Он надеялся, что сможет добиться многого. Только вот нет ощущения окрыленности. Зачем ему карьера без любимой?

– Эй! – окликнул его грубый мужской голос.

Артем остановился, обернулся и увидел Захара. Франт, щеголь, денди лондонский... Новый костюм в тонкую полосочку, фетровая шляпа и даже тросточка с костяным набалдашником. Взгляд тяжелый, мрачный. Но не злобный. И все же от него веяло опасностью. Артем почему-то решил, что под пиджаком у него спрятан наган.

На этот раз вместо дружков с ним была девушка. Модно одетая краля в шляпке с большим бантом. Но в ее взгляде угадывалось что-то хищное, отпугивающее. На Артема она смотрела вроде бы с интересом, но на губах при этом пренебрежительная ухмылка.

Место тихое. Вокруг заводские бараки. Рабочий день в самом разгаре, поэтому народу вокруг не очень. Обстановка в стране серьезная, люди работают по одиннадцать часов в день, опоздание на пять минут приравнивается к саботажу. Кто не работает, тот учится – в ФЗУ, в школах рабочего резерва. Бездельничать нельзя. Стране нужны трудовые руки на мирное, а если понадобится, то и на военное время. Только вот такие, как Захар и ему подобные личности, живут в свое удовольствие. Тюрма по нему плачет, а он продолжает паразитировать на теле трудового народа. Наверное, с какой-то «малины» возвращается, лярву с собой прихватил...

– Ты, думаю, или не ты? – криво усмехнулся Захар.

Подругу он оставил в стороне. Сам подошел к Артему.

– Смотрю, походка вроде бы твоя, а форма офицерская. Не знал, что ты уже лейтенант...

– Старший, – поправил его Артем.

– Ну да, старший. Извините, гражданин начальник.

– Ты меня с кем-то путаешь. Я не из милиции...

– Был бы ты красноперым, я бы с тобой и разговаривать не стал. А ты летчик, да? Орден вот заработал. Молодец... Римма моя тоже летчицей хочет быть. Целыми днями, да, в своем аэроклубе пропадает. Ничего поделывать не могу...

– А ничего и не надо делать, – улыбнулся Артем. – Пусть летает...

Он вспомнил озорную симпатичную девчонку, которая зашивала ему гимнастерку после драки с ее родным братцем. Забавно...

– Пусть летает, ха! – недовольно фыркнул Захар. – А если разобьется?.. Это ты ее заразил!

– Заражают знаешь чем? – спросил Артем и, сам от себя того не ожидая, взглядом показал на его спутницу.

Захар понял, что он имеет в виду. Но вместо того, чтобы разозлиться, сдавленно засмеялся.

– Ну ты и вlepил, летун!.. Только моя Мурка чистая, да... А хочешь, я ее тебе уступлю? Она баба знойная. Ты на самолете так не летаешь, как она в постели...

– Она что, выпел, чтобы по рукам ходить? – усмехнулся Артем.

– Ага, выпел переходящий. Судьба у нее такая... А как твоя Владислава поживает?

Он спросил об этом так, как будто Влада и его Мурка одного поля ягоды.

– Хорошо поживает. Только про тебя не вспоминает...

Захар какое-то время молча смотрел на него – вроде сказать что-то хотел да не решался. Скривил рот, процедил сквозь зубы:

– Откуда ты знаешь, кого она вспоминает?.. Я тебе вот что, лейтенант, скажу. Не морочь себе голову этой бабой, это мой тебе совет. Не дастся она тебе в руки. Вернее, дать то она даст, а вот удержать ты ее не сможешь...

– Завидуешь? – прямо, в лоб спросил Артем.

– Да нет, уже отзавидовался... – хмыкнул Захар. – Помяни мое слово, намучаешься ты с ней... Думаешь, ты у нее первый?

– Что я думаю, это мое дело! – начал злиться Артем.

Уж кому-кому, а этому благованному типу он верить не станет. Пусть что угодно говорит, Артема он в заблуждение не введет. Только пусть лучше сразу закроется, а то ведь может и по зубам схлопотать...

– А чего ты напыжился, начальник? – криво усмехнулся Захар. – Я много чего имею сказать про твою Владиславу. Только я ничего не буду говорить. Сам все поймешь, если не дурак...

– И что я должен понять?

– Да нет, сначала я понять должен. Я ее и с майором видел, и с капитаном. Говорят, она и полковнику стелила... А вот почему лейтенанта выбрала, не понимаю? Может, на орден твой купилась, а? Так и у полковника орден, говорят, был...

– Еще одно слово, и я за себя не ручаюсь! – сверкнул взглядом Артем.

Захар подошел к своей Мурке, но снова повернулся к Артему, будто что-то вспомнил:

– Ты про меня плохо не думай, командир...

Сейчас в его взгляде не было уголовной бравады. Артем видел перед собой серьезного, умудренного жизнью человека.

– А если думаешь, то Римму мою со мной не равняй. Римма совсем другая... И Владиславе твоей не чета... Нравишься ты ей. По-настоящему нравишься. Но я тебе этого не говорил, понял?

Зачем говорить, если Артем знал все и без него. Он хорошо помнил, как Римма навязывала ему свою дружбу и даже любовь. Но этого ему не нужно...

Глава четвертая

Июнь 1941 года. Тушино.

Московская область.

Дальний бомбардировщик-разведчик «Ю-88» уходил от преследования без паники. Спокойно развернулся, лег на обратный курс. Артем выжимал из своего «ишака» всю возможную скорость. До трехсот восьмидесяти километров в час. Но как ни старался, догнать германскую машину не смог. Горько было осознавать, что «Юнкерс» превосходил его в скорости. Разница – сто километров в час, ну, может, чуточку меньше. Если у немцев бомбардировщики так быстро летают, то что говорить об их истребителях...

На посадку Артем заходил с тяжелым сердцем. Как быть, если завтра начнется война? Чем встретить противника?

Все упорнее ходят слухи о том, что войне быть. И начнется она уже в июне. Совинформбюро и газеты без устали твердят, что все это неправда, что пакт о ненападении нерушим. Но Артем служит возле самой границы с Финляндией. И немецкие разведчики все чаще залетают на советскую территорию. И вполне возможно, что в самое ближайшее время оттуда нагрянут темные тучи германских «Юнкерсов» и «мессеров». Как тогда быть?

Политруки всех мастей и рангов не уставали уверять личный состав в том, что войны не будет. Но люди чувствовали приближение войны. Боевая подготовка шла полным ходом, все самолеты срочно оснащались приемо-передающими радиостанциями, установками для пуска реактивных снарядов. В полку появились три первых истребителя «МИГ-3». Вроде бы неплохая машина. Ее тактико-технические показатели позволяли перехватывать скоростные немецкие бомбардировщики. Но на боевые вылеты «миги» не ходили. Самолет оказался чересчур сложным в управлении, требовались специально подготовленные инструктора, а их пока не прислали. Кстати сказать, Артем был включен в группу по переподготовке...

Надо сказать, что «И-16» тоже не сахар. По сравнению с той же «чайкой» он гораздо менее устойчив в воздухе, реагирует на малейшее движение ручкой, чуть что не так, сразу сваливается в штопор. Но Артем научился уже смирять буйный нрав своего «ишака».

Он посадил самолет, зарулил на стоянку. Дождался, когда приземлятся два других истребителя из его тройки. Сдал машину технику и отправился на доклад к командиру эскадрильи.

Начальство сдержало свое обещание – еще зимой он был назначен на должность заместителя командира отряда. Мало того, за успехи в боевой и политической подготовке в конце апреля ему досрочно было присвоено звание капитана. Теперь в его петлицах лежала одна шпала.

Майор Конских махнул рукой, когда он стал докладывать о прибытии. Он был чем-то огорчен.

– Что, Гудимов, не смог догнать «Юнкерс»? – с горькой насмешкой спросил он. – Если хочешь, закуривай.

– Не курю, – покачал головой Артем.

– А я закурю... Это хорошо, что не куришь. Здоровеньким сгоришь. Тьфу-тьфу, а то еще накараю... Да, я понимаю, что наши самолеты самые лучшие. Но, должен сказать, обидно, что не можем «Юнкерса» взять...

– Я жал на всю катушку.

– Да знаю. Я ж не тебя виню... Кстати, нам в эскадрилью тройку «Як-первых» обещали. Неплохая, говорят, машина... Говорят, на западной границе уже много новых самолетов...

– Ну, мало ли что говорят, – пожал плечами Артем.

– А ты узнай, может, правда? Если правда, то на душе спокойней станет...

– Как я узнаю?

– Да есть возможность, – невесело улыбнулся Конских. – Приказ на тебя подписан. На западной границе полк новый создают. Тебя направляют туда для дальнейшего прохождения службы. В должности командира отряда.

Не хотелось покидать родной полк, товарищей, с которыми он слетался. Но раз уж переводят с повышением, надо только радоваться.

– Что, не ожидал? – усмехнулся командир. – А я ожидал. Я сам твою кандидатуру предложил. Летчик ты отличный, от бога, как говорится. Не хотелось бы расставаться, но ты сам должен понимать, положение серьезное, война на носу. Не могу же я какого-нибудь неуча на должность командира отряда рекомендовать... Ну да ладно, в общем, приказ уже подписан. Три дня на сдачу должности, предписание, аттестаты на руки и вперед, на Запад. Где-то под Гродно твой новый полк...

Артем сдал должность, получил на руки все необходимые документы. И личное оружие – пистолет «ТТ». Двадцать третьего июня одна тысяча девятьсот сорок первого года ему предписано было явиться в отдельный авиационный полк под Гродно. В запасе у него было ровно пять дней – появилась возможность заскочить по пути домой.

Перед отправлением поезда он дал телеграмму Владе. Приезжаю тогда-то, встречай... Но в Москве его никто не встретил. А он с вещами. Надеялся, что Яков Никифорович пришлет машину. Но, увы... Пришлось брать такси.

Сначала он заехал к себе. Родители его не ждали. К тому же они были на работе. И здесь некому встретить, накормить. Но это он сам виноват. Надо было и отцу с матерью телеграмму дать. Ну да ладно...

Он привел себя в порядок с дороги. И отправился к своей Владе. Он летел к ней на крыльях любви. И на подступах к ее дому чуть не налетел на черную «эмку». Машина резко остановилась. Открылась дверь, показался молодой красноармеец.

– Да куда ж ты под колеса лезешь? – заорал он.

Артем ошалел от такой наглости. Какой-то солдат смеет отчитывать боевого офицера. Красноармеец понял свой промах. Лицо испуганно вытянулось, побледнело.

– Виноват, товарищ капитан! – промямлил он. – Извините, не заметил!

Артем махнул рукой. Живи, дескать. На этом, казалось бы, инцидент был исчерпан. Прощтрафившийся водитель сел за руль, Артем пересек дорогу и направился к дому Влады. Но только сделал два-три шага, как сзади его окликнули. Голос суровый, требовательный.

– Товарищ капитан!

Артем остановился, обернулся. Возле машины стоял среднего роста крепкого сложения мужчина. Лысая голова под Котовского, маленькие усики под широким носом, черные колючие глаза. Военное обмундирование высшего командного состава. Две звездочки в красных петлицах. На груди два ордена – Ленина и Боевого Красного Знамени.

Артем вытянулся по струнке.

– Ко мне! – послышалась команда.

Он подошел, приложил руку к пилотке.

– Товарищ генерал-майор, капитан Гудимов...

– Летчик, капитан, орденоседец... – скептически скривил губы генерал. – Вы сейчас на земле, товарищ капитан. И то машину не увидели. Как же вы в небе самолеты замечаете?

– Извините, задумался!

– Задумался он!

До ноября прошлого года в Красной армии не было генералов. А теперь появились. Неужто вместе со старыми званиями в армию вернулись и старые барские замашки?..

Генерал отчитывал Артема так, будто рисовался перед кем-то. Смотрите, мол, я целый генерал-майор, а тут какой-то капитанишка... Так показалось Артему. Так и было на самом

деле. Генерал рисовался перед Владой. А она сидела в его машине. И вышла, когда он стал грозить Артему трибуналом.

Она взяла его за руку. Что-то сказала ему на ухо. Виновато посмотрела на Артема. И тут же на губах у нее заиграла яркая приветливая улыбка. Как будто ничего и не случилось...

– Артем, познакомься! Это генерал Круглов... Э-э, старый друг отца...

Якову Никифоровичу было под пятьдесят. А этому явно меньше сорока. Лет тридцать пять—тридцать шесть. Молодой он для генерала. И для друга ее отца тоже...

– А вы, значит, Артем Гудимов, – хмуро, с угрозой смотрел на Артема генерал.

– Так точно!

– Ну что ж, чтобы впредь не было никаких недоразумений, докладываю вам, товарищ капитан. Я – генерал-майор Круглов Егор Тимофеевич. А это, – показал он на Владу, – Владислава Яковлевна Самородова, моя невеста и в самом ближайшем будущем жена. Прошу жаловать, а любить совсем не обязательно... Вопросы?

Вопросов у Артема был целый ворох. Влада – его невеста, а генерал утверждает, что собирается жениться на ней. И Влада не отрицает сей факт. Стоит и молча смотрит на Артема. На губах все та же фальшивая улыбка.

У Артема перед глазами все плыло, в голове гудели колокола. Говорить он не мог: горло перехватило какими-то спазмами.

– Я спрашиваю, вопросы есть? – повторил генерал.

Он смотрел на него, как сытый кот на мышь.

Артем недоуменно посмотрел на Владу. Пусть она скажет, что генерал врет. Но она молчала. И по-прежнему улыбалась... Сука!

– Как же так... – выдавил он.

Она не ответила. Только пожала плечами. Мол, как хочешь, так и думай, а я остаюсь с генералом...

Правильно, капитана ей мало. А вот быть генеральшей в самый раз... Говорила же Римма, что Влада не простая девочка. И ее брат Захар тоже много чего говорил. А он не верил... Теперь верит...

То с капитаном она гуляла, то с майором, даже полковник был. И, видимо, она с ними не просто гуляла. Артем вспомнил, как она ловко сняла с него португеею – как будто не в первый раз это делала. И он сам не был у нее первым. И до развратной любви она жадная. А любит она только военных... Теперь вот с генералом будет в любовь играть. Хотя, судя по всему, на этот раз все серьезно. Не хочет Влада ждать, когда Артем станет полковником или генералом. Ей все сразу подавай. А тут такой случай – целый генерал-майор сделал ей предложение. И она не отказалась. Генеральшей хочется быть, со всеми сопутствующими благами. Артема же побочу...

Сквозь гудение колоколов в голове прорезалась мелодия:

*Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви...*

Как будто звукоснимающей иглой по сердцу... Сегодня и солнце утомленное в небе, и море любви было. Но вот настал роковой час, и Влада молчанием своим признается, что любви-то никакой, оказывается, нет...

Если бы она сказала ему, что генерал выдает желаемое за действительное. Он хочет на ней жениться, а она ему отказывает... Если бы она это сказала, он бы не посмотрел на генеральские звезды, он бы забрал Владу у этого надутого индюка. Но ведь она молчит. Дает понять, что ей

нужен генерал, а не Артем. И ему остается только одно – уйти, как это в свое время сделал майор, с которым он застал Владу. Тогда она предпочла Артема. Сейчас же все наоборот...

– Прощай...

Он обошел машину с другой стороны и направился куда несут ноги. Голова плохо соображала, глаза застилал горький, вышибающий слезу туман, ноги как ватные...

А ноги принесли его в родной аэроклуб, который он окончил каких-то пять лет назад. В небе парит самолет «У-2». Белая фанерная птица с широким крылом. Гордый, размеренный полет. Плавное снижение по большому кругу.

Небо, самолеты... Что может быть прекрасней? Разве что только женщины... Но женщины изменяют, а небо никогда. Артем любит небо, и оно отвечает ему взаимной любовью... Небо, самолеты... Не надо грустить. Все будет хорошо. Он забудет Владу, печаль уйдет. Останется чистое светлое небо над головой...

Он стоял на краю летного поля и заворуженно смотрел, как приземляется планер.

К нему спешил мужчина в белом холщовом костюмчике.

– Макар Макарыч! – обрадовался ему Артем.

Это был его первый инструктор. Под его руководством он делал первые шаги в небо.

– Гудимов! – признал его Макарыч. – Черт, тебя не узнать! Вырос, возмужал... Говорят, тебя из училища отчислили...

– Врут.

– Да вижу, что врут. Ты уже капитан, орден вот... Молодец. Ты в отпуск или как?

– Послезавтра поезд с Белорусского вокзала...

– На западную границу?.. – настороженно спросил Макарыч. – Думаешь, будет война?

– Поживем – увидим.

– И то верно... Ты, Артем, извини, я сейчас. Или со мной пошли, глянешь на новое поколение...

Он спешил к приземлившемуся планеру. Его неумная организаторская энергия подхватила Артема, потянула за собой.

Возле планера стоял худенький среднего роста пилот. Темно-синий комбинезон, шлемофон, очки. Все как положено.

Но вот пилот снимает шлемофон, и на плечи высыпаются густые каштановые волосы... Да это девушка. Это Римма! Сестра Захара. Говорил же он, что она занимается в аэроклубе. Мол, Артем ее заразил...

Римма осталась такой же, какой он ее помнил. Все те же глаза на пол-лица, большой рот. И все же что-то в ней изменилось. Она стала более женственной. Но сейчас все мысли и чувства Артема были заняты Владой.

Римма увидела его, узнала. Лицо залило краской. Застеснялась. Зато в глазах никакого смущения. Смотрит на него весело, задорно.

Она сама подошла к нему.

– Привет!.. Ты за мной? – с надеждой спросила она.

– Э-э, просто...

Артем хотел сказать, что просто проходил мимо, решил завернуть в свои бывшие пенаты. Хотел, но передумал. Девчонка как тот ангел, только что спустилась с небес. Но ее настроение все еще там, в облаках. Она чувствует себя победительницей, ей хочется признания. Артем же для нее сейчас – нечто вроде главного приза. Она думает, что на это поле он пожаловал ради нее. Гордится этим. И скажи ей сейчас, что он про нее даже не думал, – это будет жестоко...

– Мне сказали, что ты здесь, ну, я решил заглянуть...

– Кто сказал?

– Твой брат, – соврал Артем.

– Он не мог тебе этого сказать, – помрачнела Римма.

Все-таки сбил он ее настроение. Как самолет из зенитной установки сбил ...

– Почему?

Римма оглянулась, нет ли кого поблизости. Макарыч осматривал аэроплан. Ему сейчас не до них.

– Захар сидит, – тихо сказала она.

Римма могла признаться ему в том, что скрывала от других. Доверяет. А достоин ли он этого? Артему стало неловко.

– Его еще весной взяли.

Он мог биться об заклад, что чекисты здесь ни при чем. Захар погорел на каком-то уголовном деле. Сколько веревочке ни виться...

– Но он ни в чем не виноват, – поспешила уточнить Римма. – Просто оказался не в том месте да не в тот час...

– Бывает.

– Мой брат хороший. Он никому ничего плохого не сделал...

– Может быть... – Артему вовсе не хотелось вступать в полемику по этому вопросу.

– Значит, ты здесь случайно? – сделала вывод Римма.

– Нет. Твой брат сказал, что ты занимаешься в аэроклубе. Это еще в прошлом году было...

– Да, он говорил, что видел тебя... И я тебя видела. А ты нет... Ты тогда из-за своей Влады земли не видел... И сейчас...

Римма запнулась, смутенно посмотрела на него.

– Ты у нее был? Знаешь?

– Что я должен знать? – Голос его дрогнул.

– Ну, что Влада замуж выходит. За генерала...

– Пусть выходит...

– Значит, знаешь. Значит, не хочешь, чтобы она выходила... Да пошли ты ее к черту, эту дуру!

– Спасибо за совет, – мрачно усмехнулся Игнат.

Настроение было испорчено у обоих.

– Я тебе и раньше говорила, что она дура. Она тебя недостойна...

– Может быть, наоборот?

– Ты что, дурак?.. Ты боевой летчик, уже капитан, а она кто такая. Только и знает, что полковникам стелить да генералам...

– Да-а, поговорили... – недовольно посмотрел на нее Артем.

Перевел взгляд на Макарыча, помахал ему рукой, мол, мне пора, ухожу. И повернулся к Римме спиной. Не о чем ему с ней говорить. Глупая она...

Он думал, что Римма побежит за ним. Не побежала. Даже вслед ничего не сказала... Ну и черт с ней!

Все два дня, отпущенных ему на отдых, он провел дома. Помог родителям по хозяйству, уважил батю – провел с ним вечер за самогонкой. А в субботу двадцать первого июня на вокзал. Пора было уезжать...

До отправления поезда оставалось двадцать минут. Купе уже заполнено. На нижних полках расположился чернявый явно кавказского разлива майор с супругой. Верхнюю полку занял капитан-артиллерист. Оставалось только место для Артема.

– Покурим? – спросил майор.

По всей видимости, он был грузином. Но говорил чисто, без акцента. На груди медаль «За отвагу». Заслуженный человек.

– Не курю... Но выйду, – кивнул Артем.

Он понял, что майор выводит попутчиков из купе, чтобы дать супруге переодеться. Платье на ней белое, кружевное. Можно испачкать и помять в дороге.

Мужчины вышли на перрон. Капитан вытащил из кармана пачку папирос.

– Казбек, – сказал майор

– «Казбек», – подтвердил артиллерист.

– Нет, – расплылся в улыбке майор. – Я не про папиросы. Я про себя. Меня Казбек зовут. Артем представился. Капитан тоже. Его звали Миша.

Только офицеры закурили, как Артема кто-то тронул за локоть. Он обернулся и увидел Римму. Она-то как здесь оказалась?

– Ты что, тоже куда-то едешь? – удивился он.

– Нет, провожаю, – улыбнулась она.

– Кого?

– Тебя... Макарыч сказал, что ты сегодня уезжаешь. С Белорусского. Вот я с утра здесь...

Ты уж извини меня за то, что я тебе про Владу наговорила...

– Что есть, то и наговорила, – усмехнулся Артем. – Чего извиняться...

– Она сегодня замуж выходит, – сообщила Римма. И вроде как в шутку спросила: – Ты меня не убьешь?

– За что?

– Ну, в Древнем Риме убивали тех, кто плохие новости приносил...

– Мы не в Древнем Риме.

Артем чувствовал, как немеют ноги. Невозможно было смириться с мыслью, что Влада выходит замуж за другого.

– Но ведь новость плохая.

– Неважная.

– Забудь про нее.

– Попробую.

– Оставь мне свой адрес? – с надеждой посмотрела на него Римма. – Я тебе буду писать...

Только этого не хватало, подумал он.

– Меня переводят к новому месту службы. Адреса я еще не знаю...

– Тогда ты мне напиши!

Дрожащей рукой она всучила ему сложенный вчетверо лист бумаги. Артем механически сунул его в карман.

Римма воспряла духом. Улыбнулась.

– Так не хочется, чтобы ты уезжал, – сказала она.

– Служба есть служба.

Он посмотрел на часы. Его тяготил этот разговор. Хотелось поскорее сесть в поезд.

– Я понимаю... И это возьми...

Она вложила ему в руку серебряный крестик на толстой суровой нитке.

– Это что еще такое? – растерянно-удивленно спросил Артем.

Он попытался вернуть крестик обратно, но Римма спрятала руки за спину.

– А выбрасывать его нельзя! – предупредила она. – Плохая примета!

Это было его больное место. Летчики, как и моряки, – народ суеверный.

– Что же мне с ним делать? Не повешу же я его на шею...

Он порадовался, что спутники деликатно отошли в сторонку, чтобы не мешать ему. Вряд ли они слышали, о чем они говорили с Риммой.

– В карман положи.

– Там у меня партбилет.

– А ты в другой карман положи... Артем, так надо!

– Кому надо?

Крестик жег руку. Он не знал, что с ним делать...

– Тебе надо. И мне надо. Я хочу, чтобы ты с войны живым вернулся.

– С какой войны? О чем ты?

– Я что, по-твоему, дура, не понимаю, что происходит? Война будет, с немцами!

– Ты что, не слышала заявление правительства? – возмущенно спросил он.

– Ерунда все это!

– Да как ты можешь такое говорить?

– Раз говорю, значит, могу. Артем, я сердцем чувствую, будет война. А на войне убивают.

А тебя Бог будет хранить...

– Бога – нет!

– Бог есть, – не согласилась он. – Он у каждого в сердце...

– Это кто тебя так научил? Твой брат?

– Захар здесь ни при чем. Но он тоже в Бога верит...

– Потому и за решеткой, да?

– Ты думаешь, он преступник? – стала заводиться Римма. – Нет, просто он вызов бросил...

– Кому вызов? – сурово нахмурился Артем.

Римма втягивала его в антисоветский разговор. Он обязан был доложить об этом в соответствующие органы. Но ведь он же не стукач...

– Кому надо... – сверкнула взглядом Римма.

И тут же потухла. Она и сама поняла, что зашла слишком хорошо.

– Артем, я тебя очень прошу, возьми крестик. Ну, пожалуйста...

– Хорошо. А ты пообещай мне, что сейчас же уйдешь...

– Обещаю!

Он спрятал крестик в правый нагрудный карман. Но Римма не уходила. Стояла и смотрела на него. В глазах слезы.

– Мы же договорились, – напомнил он.

– Все, ухожу...

Неожиданно она подалась вперед, обвила руками его шею, подтянулась на носочках и поцеловала его в губы. Все произошло быстро, как дуновение ветерка... Вот она уже идет прочь от него. Быстро, не оглядываясь. Теряется в толпе. А на его губах остается сладкий клубничный вкус. И на душе свежо...

До слуха донеслась до боли знакомая мелодия. Репродуктор на здании вокзала выводил «Утомленное солнце»... Может, все-таки есть любовь?

– Невеста? – спросил капитан.

Артем с удивлением обнаружил зависть в его взгляде.

– Нет, просто знакомая...

– Да? – просветлел ликом Миша. – Может, адресок оставишь?

Рука невольно потянулась к карману, где лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Может, и крестик заодно ему отдать?.. Нет. Не должен он этого делать!..

Артем застегнул клапан кармана, так и не достав адреса.

– Ей всего шестнадцать лет... – нашел он отговорку.

– Ну и что? Я же ничего такого. Или ты не веришь в платоническую любовь?

– Какая любовь? О чем ты?

– Да ладно тебе! – огорченно махнул рукой капитан. – Сам в нее влюблен, что я, не вижу?..

Они зашли в купе. Казбек сел рядом со своей женой, Артем взобрался на полку к Мише.

– Красивая у вас девушка! – улыбнулась ему жена майора. – Невеста?

Артем лишь улыбнулся в ответ. Слава Богу, хоть эта не станет просить адреса...

– Римма ее зовут, – уклонился он от ответа.

Жену Казбека звали Стелла. Красивая молодая женщина лет двадцати пяти. Но Миша на нее даже не смотрел. И не потому что рядом с ней муж. Похоже, тот был под впечатлением от Риммы... Ну да ладно, это его личное дело, решил Артем.

Глава пятая

22 июня 1941 года.

Район Гродно.

Казбек Сихурашвили возвращался к месту службы после отпуска. В его багаже нашлось место для домашнего вина. Добродушный грузин предложил отведать благородного напитка. Артем не отказался. Миша тоже. Сначала пили за знакомство, затем за дружбу народов, после за братство родов войск. Особое внимание было уделено миру на земле. Борцы за мир осушили весь питейный запас Казбека. Поэтому сегодня Артема особенно сильно мучила жажда. И всех остальных тоже. Проводница только успевала бегать за чаем.

До Гродно оставалось совсем немного. Пора было собираться. Но поезд неожиданно остановился. Да так резко, что с багажных полок посыпались вещи. Артема придавило к задней стенке купе, на колени опрокинулся чай, горячая жидкость залила сапог.

– Они что там, дрова возят! – возмутился Миша.

Ответом ему послужил сильный взрыв. Как будто рядом с вагоном разорвалась бомба. Снова взрыв. Более мощный. Вагон сильно трянуло, в оконном проеме лопнуло и частично вылетело стекло. Небольшой осколок впился Артему в лицо.

– Да нас обстреливают! – закричал Миша.

Артем был уже на ногах. Не дожидаясь, когда это сделает майор, он схватил его жену за руку и силой вырвал ее из купе, потащил за собой по коридору. Муж уже сообразил, что происходит. Он бежал за ней, подталкивая ее в спину.

Люди в панике выпрыгивали из вагонов. Военные, гражданские. А вдоль железнодорожного полотна рвались снаряды. Никто не знал, что происходит. Но все понимали, что над ними нависла смертельная опасность.

Артем первым увидел танки. Они стояли на дороге у самого железнодорожного переезда и методично расстреливали остановившийся поезд. Передние вагоны уже горели. Прямое попадание снарядов не оставило пассажирам никаких шансов на спасение.

Нужно было отбежать как можно дальше от железнодорожного полотна и залечь в высокой траве. Но понимали это военные. Гражданские же метались в панике, не зная, куда бежать. А танки же продолжали стрелять. Из пушек, из пулеметов. Взрывы снарядов, свист пуль. Огонь, кровь, крики, визг, стоны умирающих.

Артем бежал прочь от вагона. По пути схватил за руку насмерть перепуганную девчонку лет тринадцати. Стеллу же тащил на буксире ее муж.

Артем бежал, пока нога не провалилась в какую-то яму. Это была старая канава, густо поросшая травой. Естественное укрытие. Было бы глупо им не воспользоваться. Он упал, накрывая собой девчонку. И в это время рядом взорвался снаряд. Он даже слышал, как с комариным писком над головой пронесли осколки. Но он уже был вне зоны досягаемости. Рядом с ним должен был опуститься Казбек со своей Стеллой. Но они почему-то опаздывают...

Неожиданно все стихло. Ни взрывов, ни посвиста пуль. И только крики да стоны раненых. И плавно затихающий шум танковых моторов.

– Дяденька, что это было? – спросила девчонка.

Ее всю трясло, зубы выбивали барабанную дробь.

– Не знаю, – честно признался Артем.

Случившееся можно было объяснить только одним. Военные маневры, танковый взвод, сумасшедший командир принял поезд за мишень и дал команду на открытие огня. Но это объяснение казалось неправдоподобным. Да, на финской войне были случаи, когда солдаты

гибли под своими снарядами и минами. Но там война, неразбериха. А сейчас-то никакой войны нет...

Артем уловил едва слышный, но стремительно нарастающий гул моторов. Так могли гудеть только самолеты, тяжелые бомбардировщики. Неужели они попали на территорию, где идут учебные маневры?..

Он по слуху определил направление, поднял голову и увидел самолеты. Их было много. Не меньше тридцати. Они шли тройками. Тяжело, уверенно. Они были далеко, но у Артема острое зрение. Угадывались очертания машин. Нет, это не тяжелые бомбардировщики «ТБ-3». Эти самолеты больше напоминали «Юнкерсы». И шли они с запада, а не с востока. Небо становилось темным...

– Это война... – прошептал он.

А ведь еще сегодня утром никто не верил, что немцы решатся напасть на Советский Союз. Все к этому шло, но никто не верил. И все-таки это случилось...

Фашистские самолеты летят над советской землей.

Еще как-то можно было объяснить появление самолетов. Но танки! До границы около ста километров. Да и не могли они прорваться сквозь плотную оборону советских войск. Хоть и говорили, что войне не бывать, но ведь к ней же готовились, уж Артем-то это знал... Но танки обстреляли поезд. И двинулись дальше. Никто не пытается остановить их...

Ошеломленный, потерянный, он выбрался из канавы. Обозрел расстрелянный поезд. Горят вагоны, вдоль полотна на земле лежат убитые и раненые. Из воронок поднимается едкий дым.

Одна воронка совсем рядом. И около нее лежат два истерзанных тела. Казбек Сихурашвили и его жена Стелла. Картина страшная. У мужчины оторвана нога, все тело в крови. У женщины отсутствовала часть лица...

Артем отвел рукой голову спасенной им девочки. Эти страшные картины не для нее...

Мишка сидел на земле. С волос через все лицо стекает кровь, гимнастерка в пыли. Остановившийся, ничего не понимающий взгляд. В руке, которой он опирался на землю, пистолет.

Артем подошел к нему, подал руку, помог встать.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Миша.

– Да все ты понимаешь. Только поверить не можешь... Там, кажется, народ собирают...

Несколько офицеров носились вдоль вагона и зазывали людей в военной форме. Артем тоже должен был встать в строй.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он у капитана.

Миша провел рукой по голове, на ладони осталась кровь.

– Кажись, осколком чиркнуло...

– Голова не кружится, не тошнит?

– Да вроде нет... Перевязаться надо. И в строй...

Девочке повезло. Ее мать осталась живой. Она забрала у Артема дочку. Поблагодарила. На том они и расстались.

Вагон, в котором он ехал, уцелел. Можно было забрать вещи. Но Артем не собирался тащить за собой тяжелые баулы. Он взял только свой кожаный реглан, смену белья, туалетные принадлежности. И командирскую сумку не забыл. Пистолет всегда находился при нем.

Он помог Мише перевязать голову, и они вместе присоединились к сводному отряду из двух десятков военнослужащих всех родов и рангов. Согласно Уставу командовать такой группой должен был старший по званию. В поезде ехал полковник артиллерии, но его убило пулей из танкового пулемета. Среди командного состава самым старшим остался подполковник медицинской службы. Но был еще представитель политического состава бригадный комиссар, что соответствовало воинскому званию «полковник». Он-то и взял командование отрядом.

Это был холеный и упитанный мужчина лет сорока. Надо отдать ему должное, держался он молодцом. И сразу принял решение идти в сторону Гродно. Со стороны города, если прислушаться, можно было услышать взрывы артиллерийских снарядов. Там шел бой.

– А танки? – выкрикнул кто-то из строя. – Нас же обстреляли немецкие танки!

Артем тоже считал, что они уже находятся в тылу наступающих германских войск. Но замполит резонно заметил, что немецкие танки могли действовать в составе какой-нибудь моторизованной диверсионной группы, которая каким-то образом сумела проникнуть в тыл Гродненского укрепрайона. В самое ближайшее время эта группа должна быть обнаружена и уничтожена.

Танковый десант можно было уничтожить бомбово-штурмовым ударом нашей авиации. Но в небе не наблюдалось ни одного нашего самолета. А ведь в этом районе должна была действовать целая авиационная бригада. Возможно, наша авиация действует в глубине вражеский порядков, на западном берегу реки Неман. Но тогда почему немецкие самолеты беспрепятственно идут в сторону Минска? И никто их не останавливает...

Четырех легкораненых офицеров комиссар выделил для сопровождения гражданских лиц из разбитого поезда. Их он направил в сторону Минска. Артем не знал, правильно это или нет. Ведь в ту же сторону ушли немецкие танки. Но и на запад людей вести было нельзя. Туда шли только военные.

Артем очень надеялся, что части и соединения Гродненского укрепрайона сражаются и сдерживают наступление гитлеровских войск. И в этом им должна помогать авиация. Он хотел поскорее добраться до своей части, чтобы получить в свое подчинение хотя бы один-единственный самолет. Он готов был драться с врагом в качестве рядового летчика. Лишь бы драться...

Отряд шел лесом вдоль шоссе-ной дороги. Западный ветер доносил шум боя. Ветер крепчал, но шум становился все слабее. И вдруг где-то недалеко ухнуло артиллерийское орудие, второй, третье. Треск винтовочных выстрелов, пулеметных очередей. Взрывы снарядов. Где-то рядом завязалось сражение. Бригадный комиссар принял решение присоединиться к подразделению, вступившему в бой с противником.

По идее Артем должен был уклониться от этого боя. Все-таки он летчик, его дело воевать в воздухе. Но на него не обращали внимания, а сам он напомнить о своем прямом штатном предназначении не решался. В конце концов он солдат, и его дело уничтожать врага, не важно как, с земли или с воздуха...

Сводный отряд добрался до расположения воинского подразделения. Это была пехотная рота, усиленная батареей противотанковой артиллерии. Бой уже стих. На дороге дымились два танка с фашистскими крестами на броне, в кустах догорали несколько перевернутых мотоциклов. Рота осталась на занимаемых позициях.

Командиром роты был старший лейтенант с орденом Красной Звезды на груди. Нельзя сказать, что он обрадовался пополнению. Особенно его смутил командир сводного отряда. Бригадный комиссар как-никак. Но права качать никто не стал. Комиссар всего лишь попросил доложить обстановку.

Но старший лейтенант владел обстановкой только на вверенном ему участке обороны. Но знал, что сегодня утром на расположение его полка обрушились немецкие бомбардировщики. Часть должна была выступить на оборонительно-наступательные позиции согласно боевому расписанию. Но суматоха и неразбериха забрали много времени, а потом выяснилось, что и выступать уже некуда. Немцы первыми завладели этими позициями и ускоренным маршем продвигались вперед на восток. Потом все же пришел приказ, согласно которому рота старшего лейтенанта Березко должна была оседлать грунтовую дорогу в заданном квадрате для пресечения дальнейшего продвижения противника.

Командир роты воевал на Халхин-Голе, имел опыт боевых действий. Поэтому он правильно организовал оборону и сумел уничтожить небольшую моторизованную группу противника. При этом он не знал, что творится на соседних участках обороны. И есть ли они вообще...

– В любом случае, будем стоять здесь до тех пор, пока не получим приказ на отступление...

– Почему на отступление? – нахмурился комиссар. – Может, будет отдан приказ наступать!

– Может быть, – кивнул ротный.

Но его скептическая улыбка говорила о том, что он не верит в такую перспективу. Слишком уж сокрушительным оказался удар вражеских войск. Организованное и согласованное наступление на всех направлениях, мощная атака с воздуха, превосходство в численности и вооружении. У немцев танки, броневики, мотоциклы, пулеметы, большое количество автоматов. А в роте старшего лейтенанта Березко все бойцы вооружены винтовками, на всех два станковых пулемета. К счастью, он получил в свое распоряжение четыре «сорокапятки», одна из которых уже была уничтожена вражеским огнем. А немцы останавливаться не собираются. Сейчас они подтянут силы, соберут их в один мощный кулак и ударят им со всего маху.

Красноармейцы одержали свою первую победу в этой войне. Но настроение у них невеселое, похожее на предчувствие скорой беды. Бойцы собрали трофеи – пулеметы, автоматы. Оружие быстро разошлось по рукам.

С самого начала, как рота перекрыла дорогу, Березко дал команду окапываться. К тому времени, как появилась моторизованная группа, были отрыты окопы для стрельбы лежа. И сейчас бойцы продолжали усиленно вгрызаться в землю-спасительницу...

Гродненский укрепрайон строился ускоренными темпами. Но все же к началу войны он оказался не готов к отражению атак противника. Более половины бетонных сооружений не были закончены. Стремительное наступление немцев привело к тому, что в большинстве узлов обороны оказался катастрофический некомплект техники и личного состава. Утром двадцать второго июня сорок первого года части третьей армии вермахта перешли советскую границу в районе Гродно, танковыми дивизиями глубоко вклинились в расположение советских войск, заставили их отойти за реку Нарев, а затем и Неман. Всеобщая неразбериха и отсутствие полноценной связи между частями и подразделениями привели к тому, что Красная армия отступала хаотично, бессистемно. К исходу двадцать второго июня передовые части германских войск были уже далеко от советской границы и ускоренным маршем продолжали движение на восток. Но бои местного значения не прекращались. Окруженные советские части оказывали врагу упорное сопротивление. Но выправить бедственное положение дел Западного фронта они уже не могли...

Старший лейтенант Березко готов был стоять насмерть. Он уже догадывался, что никто не придет к нему на помощь. Не было у Красной армии сил, чтобы прогнать врага с советской земли и бить его на собственной территории.

Артем Гудимов еще не знал всех масштабов катастрофы. Но уже понимал, что вперед идти нет смысла. Нет уже в районе Гродно боеспособных военно-воздушных частей, в состав которых он мог бы влиться. Нужно было идти назад, в сторону Минска. Но командир сводного отряда уже принял решение присоединиться к роте старшего лейтенанта Березко в качестве отдельного офицерского взвода. И Артем должен был сражаться с немцами в качестве рядового бойца.

Ему вручили винтовку одного из убитых красноармейцев, три обоймы к ней, две противопехотные гранаты, саперную лопатку. Плюс к этому он имел личное оружие – пистолет «Тульский Токарев». В летном училище они проходили курс общевоинской подготовки. Учились стрелять из винтовок, кидать гранаты, ставить мины, рыть окопы. Им преподавали так-

тику оборонительного и наступательного боя. Сейчас эта наука должна была ему пригодиться. Всеми фибрами души он чувствовал стремительно приближение смертельной опасности.

Он ожидал встречи с танками и пехотой. Но на позиции роты обрушились германские самолеты. Они заслонили собой солнце, как будто на землю надвигалась грозовая туча. Это были тяжелые истребители-бомбардировщики «Me-110». Усиленное бронирование, бомбодержатели, две тридцатимиллиметровые пушки, четыре пулемета. Артем слышал про эти машины, видел их на фотографиях, но вживую имел с ними дело впервые.

Хотел бы он сейчас оказаться на «ястребке», чтобы бить этих бронированных монстров с воздуха. Но, увы, сейчас он на земле. И у него нет никакой возможности дать отпор фашистским бомбардировщикам. С винтовкой и пистолетом с ними не повоюешь. Артем успел углубиться в землю всего лишь на два штыка лопатки. Поэтому сейчас он мог надеяться только на чудо. Мастерство пилота и сила оружия его не спасут...

Штурмовики с ревом пикировали на позиции окопавшейся роты. Это был какой-то кошмар. Особенно ужасал вой летящих бомб. Казалось, что все они летят на тебя, что жить остается считанные секунды. Но только одна бомба разорвалась поблизости от Артема. Взрывная волна пронеслась над ним – ощущение такое, как будто слон на голову наступил. Его присыпало землей, но все осколки просвистели мимо.

«Мессершмиты» сбросили бомбы, взмыли в воздух, развернулись по среднему кругу и снова на боевой заход. На этот раз они ударили из своих скорострельных пушек. Тридцатимиллиметровые снаряды не шутка. Тем более если стреляют опытные пилоты. А именно такие летчики наводила на цель германские машины. И Артем ничего не мог с ними поделать.

Штурмовики сделали еще два захода, израсходовали весь боезапас и ушли обратно. Артем с трудом верил, что Бог миловал его.

«Мессеры» справилась со своей задачей. Объединенная рота потеряла более десяти человек убитыми, не менее тридцати человек получили ранения различной тяжести. Были уничтожены еще два орудия. И, главное, авианалет серьезно подорвал боевой дух красноармейцев. Ротному пришлось приложить максимум сил, чтобы унять поднявшуюся панику. Комиссар и подчиненные ему офицеры также пытались успокоить насмерть перепуганных солдат, хотя сами были напуганы не меньше.

Только сейчас на Артема обратили внимание. К нему подошел ротный. Голова перебинтована, лицо грязное, глаза налиты кровью.

– Ты же летчик, капитан! – обратился он к Артему. – И что ты здесь делаешь, а?

– Странный вопрос. Как видишь, занял оборону на вверенном мне участке...

– Не хрен тебе здесь делать, понял? Даю тебе трех легкораненых бойцов и прорывайся в Новогрудок или Барановичи... Летать тебе надо, понял? Летать! А мы здесь остаемся, приказа отступить не было...

Березко был искренен в своем порыве отправить Артема в тыл к самолетам. Но обещания дать ему бойцов не выполнил. Сначала выделенное число красноармейцев уменьшилось до двух, затем до одного, а потом и вовсе сократилось до нуля. Впрочем, Артем не расстраивался. Он прекрасно понимал, что на счету у ротного сейчас каждый солдат.

Перед уходом Артем хотел попрощаться с артиллеристом Мишей. Но не смог. Выяснилось, что капитан погиб от прямого попадания бомбы... Из всех, кто ехал с Артемом в одном купе, в живых остался только он один...

У него не было специальной топографической развертки местности. Но в планшетке имелась обычная физическая карта Белорусской ССР. Приобрел по случаю, когда узнал, куда его отправляют служить. И компас у него был, чтобы ориентироваться на местности, фонарик.

День клонился к закату, но темноты Артем дожидаться не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.